

Читайте:

4 История с географией:
Усадьба Великопольского в Чукавино	16 Сергей ОВЧИННИКОВ:
Лето в орловских лугах
6 Михаил КОНЬШИН:
Фельдшер из Егорьевки	20 История с географией:
В гости к Цветаевым
8 Княгиня М.К. ТЕНИШЕВА:
Впечатления моей жизни	24 Ксения МОЛОКАНОВА:
От хама может родиться только хам
14 Елена СЕМЁНОВА:
«Не заплывайте за буйки...»	28 Геннадий МАЙОРОВ:
Засекреченная война

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

Сегодня нет недостатка в прогнозах: каким будет мир пять-десять лет спустя? Останется ли на карте такая страна как Украина? Можно по-разному относиться к прогнозам, но, как говорится, «нет дыма без огня». Итак...

Как заявил экс-разведчик США Скотт Риттер «Запад заставит Украину пойти на переговоры с Российской Федерацией и отказаться от освобождённых областей».

По его словам, на Западе уже можно услышать разговоры о том, что Киеву придётся пойти на территориальные уступки. Западные союзники Украины заставят бывшую советскую республику договариваться с Москвой, в результате чего стране придётся смириться с потерей территорий, так как уже стало ясно, что украинская армия никак не сможет захватить их даже с использованием вооружения НАТО, поделился своей точкой зрения эксперт. "Украина понимает, что не получит их обратно, а НАТО понимает, что мы не сможем предоставить Киеву столько оружия, чтобы вернуть их. Такова реальность", — подытожил Риттер.

А что же может произойти дальше?

Россия как наследница Древней Руси, Российской Империи и СССР может претендовать на всю территорию нынешней Украины, включая Киев и Галичину. Как отмечал президент России Владимир Путин, «украинцы и русские – один народ, единое целое». А это означает отсутствие необходимости в существовании отдельного украинского государства. При этом разные части нынешней Украины могут по-разному определить свою судьбу, так как имеют разную историю и этнический состав. Так, Черниговщина с начала XVI века входила в состав Русского государства, хотя этнически является «малороссийской» территорией. Слободская Украина – Харьковщина и Сумы – также является исторической территорией Русского государства, где в значительной степени проживает население, для которого русский язык является родным.

Согласно данным украинских социологов от 2017 года, большинство населения Харьковской, Луганской, Донецкой и Одесской областей Украины разговаривало в быту на русском языке. Сумская, Днепропетровская, Николаевская, Запорожская, Кировоградская области и Киев – двуязычны. Эти территории вместе с Новороссией (Северным Причерноморьем) могут войти в состав непосредственно России, прежде всего – Харьковщина.

Так называемая Центральная Украина – Галичина, Волынь, Закарпатье, Подолье – могут сформировать новую украинскую конфедеративную государственность, максимально демилитаризованную и децентрализованную: в соответствии с чертами архаической селянской украинской идентичности. Это государство или государства смогут присоединиться к Союзу России и Белоруссии – или... сформировать новое интеграционное образование.

№43' ноябрь 2023

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.11.2023 г. Выход в свет: с 01.11.2023 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №43-НО+ Цена свободная

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать присылаемые материалы без объяснения причин

12+

Продолжаем путешествие по центральным областям России. Сегодня предлагаем посетить интересное поместье, которое, увы, при большевиках приказало долго жить. Но история этого места весьма познавательна и любопытна.

Усадьба Великопольского в Чукавино

Усадьба Чукавино расположена в Старицком районе, на берегу Волги, в 6 километрах от трассы Тверь – Старица. Первое документальное упоминание о Чукавине относится ко второй половине XVII века, когда оно принадлежит боярам Сытиным. В 1706 году в сельце была построена деревянная церковь. В конце 30-х годов XVIII века дочь Дмитрия Степановича Сытина вышла замуж за прапорщика Петра Романовича Чоглокова, род которого вёл своё происхождение от новгородских бояр, в качестве приданого ей было отдано село Чукавино. Этим отчасти объясняется размах, с которым вдали от столицы в конце XVIII века строилось имение Чукавино. В 1746 году состоялось освящение каменной трёхпрестольной Владимирской церкви, а в 1751 году был построен усадебный дом. Во второй половине XVIII века строительство в усадьбе прекратилось.

Сын Надежды и Ермолая Великопольских Иван Ермолаевич – высокообразованный человек, друг А.С. Пушкина, блестящий офицер, игрок, поэт, драматург – после свадьбы поселился в Чукавине и со свойственной ему энергией занялся переустройством имения. Особенно это касалось парка и сада. Великопольские владели усадьбой Чукавино более 100 лет. В конце XIX века усадьба модер-

низируется, особенно это касалось главного дома. В семье Чаплиных усадьба оставалась до революции, затем была национализирована. Сегодня в усадьбе сохранились главный дом, флигель, церковь, пейзажный парк с прудами, остатки хозяйственных построек.

Статский советник Ермолай Николаевич Чаплин (1857–1905). Его сын, Георгий Ермолаевич, был видным российским деятелем, капитаном 1-го ранга, в 1920-е годы руководил белым движением на севере России.

В частности, ночью 2 августа 1918 года возглавил военный переворот в Архангельске, в результате которого в городе была свергнута советская власть. Стал командующим всеми морскими и сухопутными вооружёнными силами Верховного управления Северной области.

Расцвет каменного строительства в Чукавине приходится на годы правления императрицы Елизаветы Петровны. Получив имение, Пётр Романович Чоглоков вскоре занялся его обустройством, что требовало весьма немалых средств.

По многовековой традиции строительство в усадьбе началось с церкви Владимирской Иконы Божией Матери, о чём в 1740 году митрополиту Тверскому и Кашинскому было направлено прошение: «деревянная церковь в селе

Чукавине в великой ветхости», «просим построить церковь каменную вместо деревянной...» Строительство церкви было окончено в весьма короткий срок: уже в 1746 году состоялось первое освящение храма.

Последним по времени каменным строением в усадьбе была церковная ограда, возникшая примерно в 60-е годы XVIII века. Сложная из кирпича на белокаменном цоколе, ограда была сделана невысокой, скорее чисто символически отгораживая место последнего упокоения от мирской суеты. С юга и востока в ограде имелись святые ворота, у которых центральная часть была решена в виде арки с фронтоном над ней, а две другие арки по бокам служили проходами на церковную территорию.

На этом небольшом, почти прямоугольном участке в ограде церкви погребены некоторые из владельцев Чукавина и их ближайших родственников.

После завершения отделки интерьеров церкви П.Р. Чоглоков приступил к строительству усадебного дома. В одном из поздних источников приведены сведения о времени построения дома – 1751 год, что, судя по стилистическим особенностям памятника, соответствует действительности.

В конце 60-х годов XVIII столетия всякое строительство в усадьбе надолго прекратилось. Владельцы Чукавина – Чоглоковы – после кончины императрицы Елизаветы Петровны, утратив могущественное покровительство, вынуждены были уйти в отставку и поселиться в своём имении.

Благодаря тому, что князья продолжительное время не жили в Чукавине, усадебные строения долгое время не перестраивались, а главное, мода на перестройки в период расцвета дворянского усадебного быта в конце XVIII – начале XIX веков почти не коснулись церкви – этого уникального архитектурного памятника в Тверском крае.

В 1831 году Иван Ермолаевич Великопольский по завещанию своего покойного друга, знаменитого московского врача, доктора медицины – Матвея Яковлевича Мудрова – женился на его шестнадцатилетней дочери Софье Матвеевне и поселился с ней в Чукавине. Собственно, с этого момента и начинается как бы второй период возрождения усадьбы.

Первым делом Великопольский, как говорилось выше, со свойственной ему энергией занялся реконструкцией и благоустройством имения. Особенно много внимания уделял хозяйственному обустройству усадьбы.

В поисках дополнительных доходов он стремился завести высокопродуктивную породу молочных коров, пробовал наладить торговлю лошадьми. Для хозяйственных нужд выстроил новые каменные строения на месте прежних тесных деревянных.

Предметом особого внимания помещика были парк и сад. Для разведения парка, его разбивки и выращивания экзотических деревьев пригласили из Швейцарии опытного садовника. По указанию садовника с Урала, Северного Кавказа, из Крыма привезли редкие лиственные и хвойные породы деревьев.

Перед домом, на пологом спуске к Волге, разбили партер, состоявший из различных по конфигурации полей, на которых живописными купами рассаживали экзотические деревья. Предметом гордости Великопольского была оранжерея, или, как её называли, зимний сад, здесь произрастали южные растения и фруктовые деревья.

Сразу же после октябрьского переворота 1917 года начался один из самых драматичных периодов в истории культуры. «Мир хижинам – война дворцам!» – под такими лозунгами проводились кампании по уничтожению тысяч усадеб. Сколько же тогда в огне погибло уникального историко-культурного наследия дореволюционной России, что некогда составляло гордость русской культуры? А ведь именно здесь десятилетиями скапливались дворянские архивы – межевые грамоты, письма, отчёты, дневники...

Имени Чукавино, очень богатое и известное «дворянское гнездо», связанное с именами А.С. Пушкина, И.Е. Великопольского, М.Я. Мудрова, принадлежало дворянам-землевладельцам Чаплиным вплоть до 1918 года. К счастью, здания довольно неплохо сохранились до наших дней, и, будем надеяться, власти и совестливые меценаты найдут возможность усадьбу и церковь восстановить. Тогда и туристические маршруты дотянутся до этого заповедного места.

Герб. Двое ангелов держат корону над рыбой или каким-то другим существом

Алтарь. Пол здесь сохранился хуже, зато своды полотков в прекрасном состоянии

Могила статского советника Е.Н. Чаплина, прожившего 48 лет

ФЕЛЬДШЕР ИЗ ЕГОРЬЕВКИ

Более 30 лет Наталья Александровна Гомзина занимается любимым делом – заботится о здоровье людей

Это аккуратное современное здание в белых тонах стало с недавних пор одним из самых приметных в Егорьевке. Вокруг него ухоженная территория, дорожка, выложенная плиткой, благоухание роскошных осенних цветов на клумбах... Фельдшерский акушерский пункт, иными словами, малое медицинское учреждение, предназначенное для оказания доврачебной и профилактической помощи сельскому населению.

На ступеньках нас встречает обаятельная женщина, как и положено, в кипельно-белом халате. Хозяйка этого учреждения заведующая Егорьевским ФАПом Наталья Гомзина.

Сейчас обеденный перерыв, и людей в помещении нет.

– Конечно, такого напыля, как в районной поликлинике или больнице, у нас не бывает, – рассказывает Наталья Александровна. – В сезон простуд или заболеваний гриппом, как правило поздней осенью или ранней весной обращаются чаще. А так обычно в неделю бывает 15-20 обращений. Но для жителей наших населённых пунктов важно, чтобы каждый раз, если почувствовал недомогание или поднялась температура, не ехать сразу в район.

Именно так. Здесь, в ФАПе, фельдшер Наталья Гомзина проведёт первичный осмотр, измерит давление, если необходимо, сделает укол, чтобы сбить температуру.

– Условия для этого в ФАПе созданы отличные, – не без гордости сообщает моя собеседница. – Не то, что было раньше, ещё каких-то пару лет назад.

Фельдшерский стаж Натальи Гомзиной насчитывает более 30 лет. В 1992 году, после учёбы в Орловском медицин-

ском колледже по специальности лечебное дело, она пришла в Егорьевку, деревню в Свердловском районе, да так и осталась в ней на всю жизнь. Здесь появилась семья, родился сын.

В те времена условия для работы были не самые лучшие.

– Много лет фельдшерский пункт ютился в приспособленном помещении, – вспоминает она. – Здание было старое, необустроенное. Начиная с осени и почти до лета, чтобы поддерживать тепло, приходилось топить печь дровами или углём. Но всё равно в морозные и ветреные дни было холодно. Такая незавидная история продолжалась до того момента, пока в нашей деревне в 2021 году в рамках национального проекта «Здоровье» не было построено новенькое здание ФАПа. Это же небо и земля по сравнению с тем, что было прежде!

Наталья Александровна с удовольствием проводит для нас небольшую ознакомительную экскурсию по медучреждению. Помимо фельдшерского рабочего места с компьютером, здесь есть процедурная, комнаты для хранения вакцин и других медикаментов, несколько холодильников, котлы для нагрева воды, разумеется – туалет и умывальники, в кранах холодная и горячая вода. Есть отдельное помещение для хранения специальных медицинских сумок, предназначенных для неотложных вызовов.

Во всех помещениях тепло, установлены современные обогревательные батареи, причём электрические.

– Работать одно удовольствие: комфортно, тепло, просторно, – соглашается заведующая ФАПом. – И это всё, в

первую очередь, для людей, наших жителей. Зайдёшь в такое помещение – и настроение становится лучше. Спасибо всем, кто обеспечил нас таким важным элементом современной цивилизации.

На попечении Егорьевского ФАПа находится несколько населённых пунктов: кроме Егорьевки это деревня Экономичина и посёлок Хорошеский, в которых в общей сложности проживает более 330 человек. Все они и являются потенциальными пациентами, если можно так выразиться, новенького ФАПа и его медицинской хозяйки Натальи Гомзиной.

– Из этого числа, – добавляет она, – немалую часть составляют пенсионеры, люди пожилого возраста, а также 53 ребёнка. Есть люди, которым требуется постоянное внимание по причине болезни. Они на особом учёте, в том числе и с моей стороны. Их необходимо регулярно навещать, следить за самочувствием и состоянием здоровья, вовремя принимать нужные медицинские решения. К примеру, на моём участке проживают четыре узницы фашистской неволи, которые в юном возрасте были угнаны в Германию. Им тоже, в том числе в силу возраста, требуется и уход, и внимание с врачебной стороны.

В связи с тем, что расстояния на участке Егорьевского ФАПа приличные, Наталья Александровна нередко пользуется собственным транспортом, для этой цели у неё имеется надёжный друг – двухколёсный велосипед.

– В сухую погоду, да по твёрдой дороге, – улыбается она, – ехать на нём одно удовольствие. И для себя полезно, и время в пути требуется меньше. А время в нашем деле, когда речь идёт о здоровье и жизни человека, подчас играет ключевую роль.

Сельский фельдшер Наталья Гомзина – настоящий профессионал, человек до конца преданный своему делу. Её те-

лефон в любую минуту – и в выходные дни, и даже ночью – всегда включён на вызов. Иначе нельзя, так велит ей не только кодекс чести, но и собственное сердце, которое просто обязано биться в унисон с сердцами своих земляков.

В её тридцатилетней фельдшерской практике бывали всякие ситуации. Вспоминает, например, как приходилось спасать людей, их руки или ноги от обморожения. Или был ещё человек, который после укуса пчелы получил анафилактический шок, и ей пришлось, не теряя драгоценных минут, на месте проводить лечение.

Наталья Александровна говорит об этом как о чём-то рядовом, обыденном. А представим себе, что в такой критический момент рядом с таким человеком не оказалось опытного, знающего медика...

Недавно в истории Егорьевского ФАПа, а значит и в её профессиональной судьбе произошло ещё одно знаковое событие: в сельском медучреждении появился аптечный киоск, ФАПТЕКА, как его называют.

– Список препаратов пока небольшой, – говорит заведующая. – Есть обезболивающие, жаропонижающие, успокаивающие лекарства. Но постепенно их перечень будет пополняться. Это тоже на пользу жителям наших деревень, поскольку не нужно всякий раз отправляться в район за какой-нибудь простой, но нужной таблеткой.

Мне показалось, что добродушная и обаятельная хозяйка новенького местного ФАПа выглядит вполне уверенным и счастливым человеком.

– Впервые за много лет, – призналась она, – мне не приходится думать о бытовых проблемах фельдшерско-акушерского пункта. А это, кто понимает, не так уж и мало.

Михаил КОНЬШИН

Фото Сергея Мокроусова

95 лет назад ушла из жизни замечательная женщина, чья имя тесно связано с Орловщиной. Мы продолжаем публикацию отрывков из рукописи-воспоминаний княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительным образом дошедших до наших дней. Эту историю надо знать...

Певческий дебют. Источник Смоленский вестник. 1887, 26 апреля. Париж. 1880-е гг.

Княгиня М.К. Тенишева

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

(Продолжение. Начало в №40)

VIII

**Петербург. Институт. Б-б. Зыбины. Остафьевы.
Знакомство с князем Тенишевым. Париж.
Объяснение с князем**

Моя мать решила прожить у себя в имении зиму и предоставила мне свою петербургскую квартиру. За те два года, что я на ней прожила, я серьёзно потрудились над рисунком. Одно время усердно ходила в школу Штигилица, но из-за одного обстоятельства должна была её оставить... У нас там был преподаватель, некий Маршнер. Когда я на уроках рисования с гипсов старалась всегда сесть поближе к модели или просила мне дать лучшее место по своей близорукости, Маршнер всегда запрещал мне переходить с места на место, а раз как-то, при всём классе, очень резко ответил мне: "Если вы близоруки, то нечего и учиться рисовать"... Сказано это было так грубо, и это была такая явная несправедливость, что я ушла из школы и стала брать уроки у очень симпатичного художника Нила Алексеевича Гоголинского, с которым у меня установились дружественные, хорошие отношения, не прерывавшиеся до самой его смерти.

О театре я больше думать не смела, так как вся была во вла-

сти мужа, да, по правде сказать, меня и не очень тянуло окунуться в этот омут. Я пела много для себя, несколько раз с успехом в Смоленске и Москве на благотворительных концертах, у добрых знакомых, и все находили, что я хорошо пою. В Петербурге у меня составилась небольшой, но приятный, симпатичный кружок. Павел Валерианович Столыпин и барон Пётр Феликсович Мейендорф много и охотно аккомпанировали мне. Они оба были мне очень преданными друзьями, и в их обществе я чувствовала себя хорошо.

Маню по требованию мужа пришлось-таки отдать в институт, к моему великому неудовольствию. Муж, к счастью для него, наконец, немного образумился и принял место юрисконсульта у Нобеля и часто по делам уезжал в Баку. Мы с ним не встречались. В его отсутствие я виделась с дочерью, но из года в год наши отношения с ней, к моему великому горю, делались всё холодней. Видимо, на девочку кто-то влиял, и не в мою пользу. Бывало, приеду к ней в приёмный час, она выходит ко мне не приветливая, надутая. Разговор наш не клеится – холодом так и веет. Сердце сжималось у меня от этих встреч.

Я не решалась смущать детскую душу, заставляя её быть судьёй наших отношений с её отцом, становиться между нами. Считала нечестным осуждать, восстанавливать ребёнка против отца, отнимать иллюзии о нём. К несчастью, он думал иначе и, по-видимому, давно уже вливал яд в сердце моей дочери против меня. Эти преступные действия с его стороны принесли пышные плоды и причинили мне в своё время много горя.

В одну из поездок мужа в Баку я пошла навестить Маню в институт. Застаю её в лазарете с подвязанной щекой. По её словам, у них отчаянный казённый зубной врач, и не раз были примеры, что воспитанниц поручали родителям на несколько часов, чтобы полечиться у хорошего дантиста. Я, конечно, немедленно написала об этом начальнице, прося отпустить Маню со мной, но, долго не получая ответа, пошла наконец к инспектрисе. Каково же было моё удивление, когда она, жеманясь, разными намёками, с высоты своего величия дала мне понять, что, так как отец девочки отсутствует, она не может её никуда отпустить и что мне её ни в каком случае не поручит. Я долго не понимала этих намёков, смысла её слов. Вдруг что-то дрогнуло во мне, кровь хлынула к щекам, и в ужасе, в душевном смятении я встала и убежала.

Мой муж, как оказалось потом, не пренебрегая ничем, посвящал в свои семейные дела даже институтский персонал. Он был малодушен, как старая баба, любил возбуждать к себе жалость и Бог весть как должен был клеветать на меня, чтобы завоевать к себе сострадание людей. Жаль, что честь существует только для немногих...

Тогда только я отдала себе отчёт в кривых улыбках классных дам моей дочери, когда мне приходилось с чем-нибудь к ним обращаться.

Я была страшно уязвлена. Несправедливость, безосновательность подобного отношения ко мне глубоко оскорбили меня. Я едва отошла от этого потрясения и только тогда поняла, что всякий волен очернить меня потому только, что я одинока.

Давно уже ухаживал за мной полковник Б. и не раз делал мне предложение, но я не давала ему решительного ответа. Он был симпатичен, но я не питала к нему того глубокого чувства, которое в моём представлении делает брак чем-то связующим, прочным... После всех этих неприятностей с институтом, чувствуя своё круглое одиночество, нависшую надо мною клевету и

подозрения, не находя опоры ни в ком, ни в матери, ни в чувстве дочери, я, в минуту тяжкого испытания, в порыве отчаяния, дала Б. своё согласие.

Брак по рассудку... Того ли я ждала от судьбы? Того ли призывало моё сердце? Насколько две натуры могут быть различны, настолько, до смешного, наши были противоположны друг другу. Б. был безусловно порядочный, образованный, остроумный, но исключительно и только светский, очень поверхностный человек. Ни искусства, ни музыки он не признавал и вообще не видел красоты. Он приводил себе в оправдание слова якобы Екатерины II (или Вольтера): "DE TOUS LES BRUITS LA MUSIQUE EST LE PLUS DÉSAGRÉABLE" [Из всех шумов музыка – самый неприятный (фр.)]. С ним было весело и больше ничего.

Мало-помалу я привыкла к мысли, что жизнь моя устраивается совершенно противоположно тому идеалу, который жил в моей душе, но шаг этот зато вполне восстанавливал меня в глазах тех пошляков, которые смотрят только на оболочку, имя же им – легион. Я сразу приобретала положение, крупные связи, одно из стариннейших имён и огромное состояние – чего же ещё можно было желать? Да в эту минуту я и сама ничего и не желала другого. Я очень устала душой, пусто было у меня на сердце и в голове. Кроме того, в то время другого выхода не было, и всё, казалось, устраивается к лучшему. Понемногу успокоившись, я примирилась со своей судьбой. Всё притупилось во мне. Я была почти счастлива.

Б. командовал полком в провинции. Мы виделись с ним только во время его отпусков, которыми он часто пользовался благодаря своим связям. Решено было обвенчаться будущим летом, а после свадьбы мы предполагали устроиться в Москве. Во время отсутствия Б. я почти нигде не бывала, тихо жила, не покидая своих занятий, всей душой отдаваясь искусству, музыке и чтению. Столыпин, барон Мейендорф и князь Манвелов были моими постоянными гостями. По вечерам мы много болтали, занимаясь музыкой, и время проходило незаметно и приятно.

Давно уже я была знакома с Александрой Николаевной Зыбиной и наездами в Петербург бывала у неё часто. Радужная, общительная, очень светская, она любила собирать вокруг себя общество. Узнав как-то от Столыпина, нашего общего знакомого, о моём приезде в Петербург, она захала ко мне с упреком, что я её совсем забыла, и тут же пригласила меня на вечер на 7 ноября, прося захватить с собой ноты.

– Вы знаете, какое удовольствие доставляет мне ваше пение, – сказала она, – я хочу, чтобы вас, наконец, услышал мой брат, князь Тенишев. Странно, мы с вами такие старые знакомые, а он до сих пор не имел случая даже познакомиться с вами. Брат большой любитель музыки и, я уверена, будет в восторге от вашего голоса.

У Зыбиной в это время гостила проездом её старшая сестра Екатерина Николаевна Остафьева с двумя весьма зрелыми дочерьми. Они все трое были пашковки. Софи, старшая, была недоступно-холодная, фанатичная сектантка, играющая в миссионерку; Кати, младшая, наоборот – пустенькая, светская девица, страстно любящая удовольствия, а главное, наряды, это был её культ. У Остафьевой было ещё два сына – совершенно бесцветных. Сама же Остафьева представляла собой интереснейший тип тонкого иезуита, к тому же весьма неглупая, проницательная и до виртуозности практичная.

В назначенный вечер я отправилась к Зыбиной. Она собрала у себя большое общество. Между приглашёнными были барышни Пашковы, младшие дочери сектанта-апостола. Это были подруги Софи. Сектантство наложило на них печать чего-то нежизненного, Христовой простоты в них не было...

Мы уже пили чай, когда явился кн. Вячеслав Николаевич

Тенишев. Мне его представили, и мы сразу сошлись, разговорились, как будто были давным-давно знакомы. Оказалось, что он хорошо знает Талашкино, охотясь каждый год по соседству. Мы много болтали в этот вечер, спорили. Взгляды князя на музыку вполне отвечали моим. Пение моё его, по-видимому, очаровало. Весь вечер он не отходил от меня и настоял, чтобы довести меня домой в своей карете. Прощаясь, он просил разрешения бывать у меня. На другой день он прислал мне огромную корзину ландышей.

Из разговора я уже знала, что князь около шестнадцати лет со своей женой не в ладах. Брак этот считался в полном смысле слова неудачным. Имея потребность в семейной обстановке, князь невольно шёл в семью своей сестры Остафьевой, с которой был довольно дружен и которая часто гащивала у него в отсутствие его жены. Остафьева не имела больших средств, и дружба с богатым братом усиленно раздувалась всей семьёй – это всем было выгодно.

В угоду ли князю – не знаю, – но Остафьева стала часто бывать у меня и постоянно приглашать к себе под разными предлогами, то "помузичировать" (она казалась влюблённой в мой голос), то ехать в театр. Делалось это так: ложа бралась князем, Остафьева поручала мне свою Кати, которая страстно любила удовольствия и одна в семье не подчинялась требованиям их секты, делая только вид, что разделяет убеждения матери и сестры. Как известно, пашковцы считают театр и все увеселения бесовским ваваждением...

Я долго не понимала, что означало это скороспелое увлечение мною семьи Остафьевых, и бессознательно поддавалась сближению. Князь же за это время успел сделаться моим постоянным гостем. Не проходило дня, чтобы мы так или иначе не виделись. Ежедневно в три часа он стал являться ко мне из своего правления, добродушно прося дать ему чашку чаю с талашкинским вареньем.

Но эти простые отношения, эти безоблачные минуты не могли длиться бесконечно. Однажды я с ужасом увидела, что нахожусь в удивительно странном положении. Какие-то чужие мне люди вошли непосредственно в мою жизнь и сразу стали играть в ней такую большую роль. И всё это сделалось так просто – само собой.

Князь настойчиво ухаживал за мной, я же не считала себя свободной. На грех, Б. в это время отсутствовал уже два месяца, и тут-то как раз нахлынула на меня эта неожиданная волна... По опыту зная всю людскую злобу, сама поторопилась написать Б. всю правду, прося его приехать поскорей.

Тем временем я была занята выжиганием по дереву огромной рамы для моего портрета, предназначавшегося Б. в подарок. Князь, являясь ко мне каждый день в тот же час, заставлял меня обыкновенно за работой, а я уже так свыклась с ним, что принимала его без церемоний и, пока он пил чай, не отрывалась от работы. Мы болтали, и он снова уезжал в правление. Но мало-помалу моя усидчивость стала ему надоедать, и раз он спросил меня:

– Отчего вы так торопитесь и кому это предназначается?

– Тороплюсь окончить к праздникам, времени осталось мало, боюсь не успею. Это подарок моему жениху.

Он долго молчал.

– А хотите знать, что я думаю? – сказал он, наконец, отчеканивая каждый слог. – Он этого никогда не получит.

В другой раз:

– Право, бросьте вы это... Какой там жених?... Не трудитесь понапрасну, я вам говорю, что этого никогда не будет.

Наконец я получила ответ от Б. Как полагается, он писал на французском языке. Меня это письмо совсем не удовлетворило,

скорей расстроило своим легкомысленным тоном. Из него видно было, что Б. при всём своём желании сейчас никак не может покинуть полк – ожидается какой-то смотр. Потом шли, как всегда, разные прибаутки, любезности и в конце между прочим фраза: "СНÈRE АМIE, JE VOUS PRIE DE СÈSSER СЕТТЕ СOUR" [Дорогой друг, прошу вас прекратить эти ухаживания (фр.)], – и больше ничего. Хорошо было ему приказывать, а как было поступать? Как выйти из трудного положения – вот вопрос.

Я не могла ни в чём упрекнуть князя. Он держался безукоризненно, корректно. Ни одной пошлости, ни малейшей вольности, ни одного неделикатного намёка. Напротив, с каждым разом наши разговоры принимали всё более и более задушевный характер. Его интересовало всё, что меня касалось, моё прошлое, мои вкусы, мысли. Нехотя мне пришлось чистосердечно на многое ответить. Для благонамеренного человека лучшая политика – откровенность. Да и как было не отвечать ему? Это был человек с железной волей, сильный духом. Он мягко, без малейшего усилия умел заставить говорить и делать, что хотел. Его считали крупным дельцом, умным, решительным человеком, создавшим много крупных коммерческих предприятий, между прочим, он был душой и организатором акционерного общества Брянских заводов.

В обращении он был добродушен, в манерах, туалете – более чем прост. Меня подкупало в нём то, что он был совершенно не светский, серьёзный, образованный человек, любил и понимал музыку, что с ним можно было говорить, но больше всего – его сильный, независимый характер. Для него не существовало ни предрассудков, ни препятствий в достижении раз поставленной цели. Редкий тип человека, настоящий самородок! Но всё-таки то, что случилось между мною и князем, хотя и не имело названия, но тяготило меня.

Наконец к Рождеству Б. приехал в Петербург. Я была очень рада его видеть и обо всём откровенно рассказала, не скрыв от него своего настроения, искренно от души посетовав, что он не поддержал меня и не приехал раньше. Тогда только он понял всю важность положения, сильно взволновался и выразил большое неудовольствие. Что-то проскользнуло в его словах вроде угрозы, как мне показалось, по адресу князя.

С приездом Б., к сожалению, ничего не уладилось, наоборот, он стал ревновать меня и мучить неосновательными подозрениями, упрекать и обвинять в том, в чём я была неповинна. Он, видимо, не знал меня и судил по себе. Но сомнения отравляют всё и ничего взамен не восстанавливают. Князь тоже стал сумрачен, сильно не в духе и прекратил свои ежедневные визиты ко мне. Виделись мы редко и в последний раз встретились у Остафьевой перед отъездом её за границу с дочерьми. Я захотела к ней проститься. Князь с этого вечера был насупленный и тоже по адресу Б. произносил какие-то угрожающие слова – в воздухе пахло порохом.

Я в душе завидовала Остафьевым. Надоело мне всё и все – нервы издёргались. Потянуло тоже уехать куда-нибудь, вздохнуть свободно, стряхнуть с себя все эти путы.

– Какая вы счастливая, что уезжаете... Возьмите меня с собой, – сказала я шутя Остафьевой.

– Поедёмте, – спокойно ответила Екатерина Николаевна, – двух дней для сборов вам совершенно достаточно. Итак, вы с нами едете, это решено.

Князь и Кати принялись пресерьёзно меня уговаривать. Прощаясь, Остафьева сказала мне:

– До свидания, до четверга, в пять часов вечера на Варшавском вокзале, не правда ли?

Итак, я снова в Париже. Опять судьба забросила меня сюда в тяжёлую минуту душевного разлада. Снова какая-то таинствен-

ная рука вывела на путь обновления. Я уехала из Петербурга в полном чаду. С Б. мы холодно простились, последние дни были очень тяжёлые – сцены и объяснения. В дороге я всё ещё была под этим гнетущим впечатлением.

Париж! Париж! Мой старый друг, мой спаситель... лес, в котором живёшь и дышишь так же привольно, как в природе. Давно ещё, давно я сравнила Париж с дремучим лесом. В нём всегда находишь успокоение, простор, богатейшую арену для самоусовершенствования и работы, полную возможность уединиться, собрать мысли, отдохнуть. В этот раз мне опять стало хорошо на душе. Казалось, все заботы миновали. Как-то не верилось такому счастью, не хотелось заглядывать вперёд, принимать решение, зная, что ещё наступят эти минуты, придётся считаться с действительностью. А пока хотелось пожить хоть немного беззаботно, отдохнуть от всего.

С неделю я прожила в полном очаровании. Всё занимало меня и радовало. С Остафьевыми я постоянно виделась. Одно обстоятельство немного омрачало моё блаженное состояние: письма Б., которые я получала ежедневно. В них было продолжение петербургского настроения, обидное недоверие и упрёки. Я отписывалась как могла, но по совести не чувствовала за собой никакой вины. Это недоверие глубоко меня оскорбляло, и невольные ответы мои были не в примирительном духе.

Однажды, когда я сидела за подобным ответом, вдруг открывается дверь... и князь на пороге, сияющий такой, довольный. Я вскочила и снова в бессилии опустилась в кресло от испуга, неожиданности и смущения, закрыв лицо руками. В душе мелькнуло сознание, что с Б. всё потеряно. Увы, действительность наступила слишком скоро...

Волю князя, его решение, когда он что-нибудь в голову заберёт, никогда никому ещё в жизни побороть не удавалось – это был кремень. Он решил неумолимо стать между мной и Б., и это ему вполне удалось.

Мне стало ясно, что чем дальше, тем вопрос всё больше усложняется, и ни переписке, ни словесным объяснениям этого недоразумения не разрешить. Что тут было делать? Оправдываться? Стараться примириться? Но как? Что я могла сказать? В глазах Б. я была несомненно кругом виновата. Обстоятельства все были против меня. Я же и сердцем и помыслом была чиста. Видно, не суждено мне было стать его женой. Между нами произошёл окончательный разрыв. Встреча с князем была для меня роковой.

Пора, давно пора было нам с князем серьёзно объясниться, выяснить наши отношения, выяснить правду в этом вихре событий. Чего он хотел, войдя так смело в мою жизнь? Что за положение создал он, преградив мне путь к намеченной цели? И какая была его цель спутать все карты?

Этот сильный человек с громадной волей, эта отвага – я должна сознаться – были мне по душе. Зародившаяся симпатия не осудила его.

Но это был бы не он, если бы он посмел предложить мне что-либо такое, что не было бы на высоте его личности. Только серьёзное увлечение, глубокое чувство могли оправдать его поступки. Когда руководит сердце – оно уносит... Мы протянули друг другу руки – судьба наша решилась [Брак Марии Клавдиевны с В.Н. Тенишевым был заключён в 1892 г.].

IX

Свадебное путешествие

Во время большого весеннего разлива рек мы совершили наше свадебное путешествие. Это было что-то чарующее, волшебное, небывалое по своей оригинальности. У Вячеслава был

свой собственный пароход, построенный на Бежицком заводе. Мы сели на «Благодать» в двенадцать часов дня. Погода была дивная. Тёплый майский день (1892 года), радостное весеннее солнце сопутствовали этому первому путешествию по Десне. Мы торжественно отвалили от Бежицкой пристани при большом стечении заводского люда, сбежавшегося со всех сторон посмотреть на это событие.

Наш плавучий дом был очарователен – хорошенькая, весёлая дача на воде. В рубке помещалась уютная гостиная и столовая, с другой стороны – кухня, буфет и всё хозяйство. Под палубой шёл ряд удобных кают для нас и прислуги. Командиром парохода был заводской старый, заслуженный мастер, матросы были набраны из рабочих – все люди сильные, весёлые. Князь уговорил Киту примкнуть к нам и сделать вместе эту прелестную весеннюю прогулку по водам.

В этом месте Брянского уезда Десна не судоходна, ходят только плоты, да из мальцовских заводов плывут вниз по течению баржи с посудой. Вообще подобное путешествие на пароходе было редкостью, и его можно было предпринять только благодаря огромному количеству воды и этом году.

Мы плавно шли по течению, оставив за собой Бежицкий завод, его стук, дым и нервную суету, и в скором времени миновали Брянск.

Вероятно, как и все уездные города, непригожие вблизи, издали он казался живописным, с разбросанными по высокому берегу серенькими домиками, утопающими в густых садах. После Брянска мы вошли в широкую равнину. Справа, слева до горизонта разливался перед нами океан. Только кое-где торчали из воды макушки деревьев, да чернели верхи затонувших стогов. Местами водное пространство незаметно суживалось, чувствовались берега, заросшие кустами, окутанные бледно-зелёной дымкой. Искрящаяся мелкая рябь на воде ослепительно блестела на солнце, а тёплый ветерок ласково щекотал лицо. Мы были прикованы этим зрелищем. Для слов и восторга не было места.

О Русь дорогая... Как я люблю тебя в этой торжественной и святой простоте...

В сумерки мы причалили к берегу. Ночью идти было опасно. Вечер настал синий, прозрачный и глубокий. Вблизи от нас стоял ещё неодетый лес. Он, казалось, был на низком месте. Между тёмными стволами деревьев виднелись светлые пятна отражённого неба в воде. Где-то на буторке наши матросы развели костёр. Затрещали сучья, запахло дымком. Минутами у костра освещались оживлённые лица, двигающиеся фигуры. Красные огни костра невольно притягивали внимание – кругом всё казалось черней. Из глубины теней слышались голоса, смех.

Вдруг, высоко в воздухе, блеснул сильный сноп яркого света, точно колоссальный моток искрящейся пряжи. Это навели прожектор. Ловко обогнув кругом горизонта трепетной струёй своей, он остановился на одной точке. Нашим глазам представилась удивительная картина. Вдали от леса одиноко стоял на поляне огромный дуб. Макушка его, казалось, давно уже была сорвана бурей, только по бокам его ещё торчали корявые ветки. Верхняя часть подгнившего дерева образовала дупло. В нём свила гнездо своё чета аистов. Самка сидела на гнезде, а самец, стоя тут же на одной ноге дозорным, мирно заложил голову свою под крыло. Наш назойливый свет, вероятно, разбудил его. Опустив ногу, он с беспокойством стал озираться. Жаль было нарушать их покой, мы потушили прожектор.

Понемногу и на «Благодати» погасли огни. Машина давно уже остановилась. Всё затихло – уснуло. Воцарилась успокоительная ночь. Тихо догорал костёр, изредка выбрасывая умирающие блёстки. Слышался ровный плеск усиленного течения, да где-то неутомимо журчал ручей. Вдруг близко-близко залился соловей знойно-страстной песней... Сколько в этот день было

пережито впечатлений чистой красоты, трогательных волнений... Я невольно заплакала, подняв глаза к Богу...

Ранним утром мы снова пустились в путь. Было всего четыре часа утра. Я очутилась на палубе – мне не спалось. Густой туман окутывал всю местность, клубясь как дым по поверхности вод. Тянуло холодком. Утренняя роса крупными каплями искрилась на солнце. Лёгкие розоватые облачка, спутники восхода, незаметно таяли в беспредельной голубой выси. Утреннее солнце слабо пригревало, обещая тёплый день.

Мы шли очень тихо. Река в этом месте капризно извивалась причудливыми, неожиданными коленами. На носу стоял матрос, часто и громко что-то выкрикивая.

Мало-помалу туман редел, а солнце всё сильнее да сильнее припекало. В полдень зычная сирена возвестила нам своим рёвом, что мы близки к остановке. Действительно, мы вскоре причалили к Трубчевску, и, как только мы стали, «Благодатью» сразу овладели какие-то люди, стоявшие уже на берегу и с видимым нетерпением ожидавшие этой минуты. По мостику поднялась шумная беготня. Носили огромные вязанки дров, с грохотом бросая их в трюм. Передавались всевозможные корзины, наполненные провизией, слышались приказания, смех и брань. Оказалось, что впереди нас шёл крошечный пароходик, заказывая по пути, на главных остановках, всё необходимое для нашего путешествия.

Вячеслав предложил нам осмотреть город. Весна умеет всё красить. Даже самые обыкновенные места кажутся уютными, красивыми. Трубчевск утопал в садах и огородах. В нём всё было зелено, даже по широким безлюдным улицам стелился густой зелёный ковер, лишь кое-где виднелись робкие тропинки. Маленькие одноэтажные домики с мезонинами скромно ютились между бесчисленными серыми заборами. В мертвенной тиши улиц мирно отдыхали целые семьи неизбежных свиней – законных собственников этого простора. Они лениво зарылись в грязь в тени заборов и, не поднимая головы, невозмутимо встречали наш приход.

Мы направились к собору. Батюшку с трудом разыскали. Из его слов узнали, что имя Трубецких идёт от Трубчевска и что здесь, в соборе, похоронено несколько поколений князей Трубецких. Он обратил наше внимание на пол в соборе, весь сплошь застланный большими продолговатыми чугунными плитами, к сожалению, очень плохой сохранности. От времени надписи стёрлись, прочесть целиком ни одной не удалось. С большими усилиями всё же мы ухитрились разобрать на некоторых: «Труб...», потом – «цка», «род», но больше ничего.

Архитектуру собора можно отнести к XVII веку, но на нём видны следы грубой реставрации. Внутри собора я не заметила ничего старинного.

На соборной площади, тоже заросшей травой, но с тропинками по всем направлениям, нам, наконец, удалось встретить одну из обитательниц этого сонного города. К нам навстречу шла пожилая женщина, довольно чисто одетая в тёмное ситцевое платье. Мы остановили её с расспросами. Отвечала она вяло, неохотно, точно спростонья.

– А есть здесь у вас богачи? – спросил Вячеслав.

– Ка-ак же, – протянула она оживляясь, – в прошлом году Малявкину дочку замуж выдавали, так во-о-о какая свадьба была... Малявкина, Петра Степановича знаете?

Нас это очень забавило. Мы сделали вид, что как же не знать нам Малявкина, и, простившись с ней, пошли к пристани.

Однажды утром нас разбудили необычные крики, прерываемые рёвом сирены. Мы стояли. Над нашими головами слышалась на палубе усиленная беготня, доносился голос Вячеслава. Наскоро одевшись, Киту и я выбежали наверх. Оказалось, что как только стало светать, мы тронулись в путь, но из-за тумана и

необозримо широкого разлива сбились с фарватера и уже с пол-часа шли просто по затопленному луку. Сейчас положение наше было отчаянное: мы сидели на мели. К счастью ещё, что всё это случилось в виду Новгород-Северска, крошечного городка, кажется, ещё менее значительного, чем Трубчевск, но всё же здесь можно было рассчитывать на помощь.

Перед нами, но всё ещё в порядочном расстоянии, на крутом берегу виднелся город, жители которого сбежались в испуге на рёв сирены. Стоя у самой воды, небольшая кучка людей, усиленно размахивая руками, громко переключалась с нашим капитаном, а тот, приложив руки ко рту в виде воронки, неистовым голосом требовал чего-то от них.

– Ба...бу, Ба...бу, давай сюда.

Его не понимали.

– Бабу...а...бу... Черти...

Поняли.

– Ско...лько есть ка...а...на...а...ту да...вай.

– Сва...а...ю. Че...ты...ре ве...ершка. Ско...о...рее.

Наконец, после долгих переговоров и ожидания, к нам причалила лодка. Начались работы. «Баба», «свая» и «канат» вырвали нас из беды.

Утро было холодное, дул северный ветер. Мы сидели на палубе укутанные и, позабыв о холоде, внимательно следили за ходом работ. Даже Боби, наш верный фокстерьер, дрожа всем телом, тоже не отрываясь следил за всем происходящим.

Нагнувшись над бортом, я вдруг с удивлением заметила с полсотни людей, гулявших по горло в воде. То были добровольцы, пришедшие по морю, яко по суше, на помощь «Благодати». Шутя я окрестила их «жуликами»: по правде, только отчаянные, спившиеся головы могут решиться лезть в холодную воду, чуть не в три часа ночи. Откуда они явились и как – я не заметила и никак не предполагала, что вокруг «Благодати», за версту от берега, можно было гулять кругом. Всё же эти «жулики» сослужили нам большую службу и, конечно, были за то щедро награждены. После долгих усилий, криков и брани мы наконец отвалили.

Во время этого необычайного путешествия наша жизнь и привычки приняли совершенно особый характер. Вставая с восходом солнца, мы ложились с закатом, и вышло это как-то само собой. Например, утренний кофе подавался в три, четыре часа утра, завтракали в семь и т.д. Газеты и почту колоссальных размеров мы получили только в Киеве, а до этого мы не были в состоянии прочесть ни строчки, хотя забрали с собой много книг. Мы только смотрели, восхищались, опять смотрели, не сознавая и не замечая ни времени, ни дней, переживая сказочный сон в каком-то неведомом мире. Для полноты картины погода нахмурилась только в день нашей прогулки по затопленным лугам, в остальные же дни она была чудесная.

Стоянка в Чернигове была короткая – князь стал торопиться в Киев. Из достопримечательностей мы видели только дом Мазепы – одноэтажный, каменный, с круглой крышей, красивыми наличниками, превращённый в хлебный магазин. Стоит он на окраине города, вокруг него бурьян да пустырь.

Незадолго до Киева, в очень живописной местности, Десна, прихотливо извиваясь, делает несколько неожиданных поворотов, крутясь почти на одном и том же месте, в виду какого-то города или местечка. Вероятно, оттуда нас было видно уже давно, а пронзительные свистки машины громогласно возвестили жителям о нашем приходе. Какой-то человек, завидя «Благодать» и, вероятно, имея неотложное дельце в Киеве, наскоро собравшись в дорогу, выбежал к нам навстречу, держа в одной руке большой пакет, а под мышкой другой огромную пуховую подушку в красной кумачовой наволочке. В этом месте река текла в берегах, и человек этот почти что настигал нас, как вдруг – крутой поворот, и пароход, следуя по противоположной стороне, снова удаляет

нас от него. Наш буфетчик Антон, большой охотник подшутить с самым серьёзным видом, заметив этого человечка, стал махать ему салфеткой, подманивая и обнадеживая его, и этот манёвр повторялся с каждым поворотом парохода. Я застала эту сцену в конце, когда мы обогнули последнее колено. Девушки наши – Лиза, Женя, повар Яков, его помощник, несколько матросов, присутствуя при этом, катались со смеху.

– Зачем же вы обнадеживаете его? Ведь он, бедняк, исколесил вёрст пять, если не больше, – сказала я с упреком.

– Пусть побегает, ему это полезно, – ответил мне флегматично Антон.

Немного далее, всё в той же живописной местности, перед нами раскинулась удивительно величественная картина, облитая ярким солнцем. Утопая в пышной весенней зелени, на фоне колоссальных тополей, лип и дубов торжественно стоял роскошный белый господский дом с высокими гордыми колоннами. Это чарующее видение – творение прошлого, страница, созданная и пережитая нашими дедами, баловнями судьбы, разом, неожиданно предстала перед нами. Название этого рая – Очкино, но кто были его счастливые обладатели, нам узнать не удалось. Мы навсегда сохранили впечатление этого истинно барского жилища, редкого по красоте и уюту.

При слиянии Десны с Днестром мы снова очутились на безбрежном океане. Невозможно было составить себе никакого понятия о местности: вода, кругом вода, ослеплявшая на солнце. Спустя некоторое время послышался сильный свист, и вдалеке мы увидели шедший навстречу, на всех парах, разукрашенный разноцветными флагами нарядный пароход. Звали его «Князь Тенишев», и шёл он с делегацией от Общества пароходства по Днестру, в котором мой муж был одним из учредителей.

Завидя нас, пароход замедлил ход и, поравнявшись с нами, остановился. Мы попытались сделать то же самое, но, вероятно, или сильное течение, препятствуя, относило нас, или капитан «Благодати» был недостаточно ловок, только причаливание обоих было сопряжено с большими затруднениями и длилось без конца. Мы по нескольку раз подходили друг к другу, отчаянно чокались, снова отходили, причём от наших колёс с треском летели во все стороны огромные куски дерева. «Князю Тенишеву» мы тоже нанесли массу повреждений, а время шло. На палубе встречавшего нас парохода стояла группа людей в ожидательных позах, с букетами в руках, готовясь сказать приветственную речь новобрачным. Минутами выражение их лиц из официального, ожидательного, переходило в испуганное или делалось рассеянным. Никто не знал, чем это кончится. Положение становилось преглупое и конца ему не предвиделось. Как вдруг матросы на «Князе Тенишеве», уловив удобную минуту, ловко забросив петлю каната, с силой притянули нас к себе – это был прямо фокус.

Начались представления. Бродский (Лазарь) вручил мне букет чудных роз, сказав несколько приветственных слов, потом его брат Лев, затем господин Марголин и другие директора Общества пароходства по Днестру. Беседа с этими господами, мы подошли незаметно к Киеву.

Днепр под Киевом уже много раз воспет, но не знаю, можно ли описать эту красоту во время разлива?...

К вечеру того же дня, бросив беглый взгляд на город, побывав в Лавре, в соборах и в некоторых церквях, мы вернулись на «Благодать». Вячеслав любил делать вещи скоро. Он не любил и не понимал старины, уделял мало времени на осмотры, поэтому, чтобы остановиться на чём-то подольше, и речи быть не могло. «Вот церковь, – скажет он и разведёт рукой во все стороны. – А теперь дальше... Едем». А сам уж давно на крыльце стоит.

Киев меня очаровал и глубоко запечатлелся. Я впервые в нём была и тут же дала себе слово когда-нибудь ещё в нём побывать с целью хорошенько изучить его исторические памятники, про-

никнуться родными, близкими русскому сердцу красотами. Только через несколько лет мне удалось осуществить это желание.

Мы предпочли вместо гостиницы остаться на «Благодати». Поэтому к семи часам вечера чудные рысаки господина Бродского, любезно предоставившего нам свой выезд на весь день, подвезли нас обратно к пристани. Надо было успеть одеться к обеду, устроенному в нашу честь тем же Днепровским обществом.

Киту отказалась сопровождать нас, желая подольше остаться под обаянием пережитых впечатлений нашего путешествия. Я вполне ей сочувствовала и с грустью, почти завидуя, подчинилась обстоятельствам. Жаль было проститься с этим чарующим сном, где люди, весь мир казались такими далёкими. Так не хотелось ещё коснуться жизни и снова стать в ней действующим лицом...

В восьмом часу вечера к пристани причалил огромный пароход, принадлежавший Днепровскому обществу, на котором должен был состояться обед. Собравшаяся на нём компания была пестра, как это бывает только в провинции. Около нарядных туалетов парижского пошиба были дамы, одетые в самом фантастическом провинциальном вкусе. Я впервые видела всех этих людей, но тут же почувствовала, что между дамами была рознь, как это тоже всегда бывает в провинции. Более всего я сошлась с госпожой Бродской, женой Льва, красавицей и милой женщиной. Мужчины показались мне более сплочёнными, но симпатии между ними сказались гораздо ярче после основательной и разнообразной закуски с многочисленными настойками.

Обед был длинный до бесконечности, со множеством чоканий и вставаний, минутами стол совершенно пустел, все приходило в движение, и, как полагается, с каждым блюдом говорились нескончаемые речи. Чем дальше, тем тосты и пожелания становились всё сердечнее, задушевнее, почти со слезами на глазах. Словом, пили и ели без конца, до самой ночи, под громкие звуки духового оркестра. Оживление было огромное. Слышался усиленный говор и смех в разных концах стола. Между тем пароход, во время обеда незаметно отчалив от пристани, медленно шёл вниз по течению, блистая роскошной иллюминацией.

После обеда на широкой палубе начался бал. Танцоры, с пылающими лицами от выпитого, показали мне ряд танцев с такими невероятными курбетами, польки и вальсы с такими вывертами, каких, я уверена, ни одному балетмейстеру и во сне не снилось. Я ничего подобного в жизни не видела! Танцевать я никогда не любила, но в этот раз безропотно подчинилась фантазиям моих танцоров.

В стороне от танцующих стояли карточные столы, а поодаль расположился буфет, где с усердием доканчивали этот весёлый праздник те, кто не любил ни танцевать, ни играть в карты. Поздно ночью мы вернулись на «Благодать».

В Киеве нашу разношерстную команду заменили настоящие и опытные матросы Общества пароходства по Днепру, в нарядных матросских рубашках, всё народ здоровый, рослый, весёлый. Они отлично пели хором. Один из них, высокий, сильный детина, Ипатий, с хорошим тенором, запевал, остальные дружно подхватывали; родные напевы, то грустные, протяжные, то весёлые, удалые, далеко разносились по воде. Мы с удовольствием слушали их часами.

Мы покинули Киев через два дня. Впереди нас ожидал опасный переход через Днепровские пороги. Это были острые гряды камней, пересекающие реку, но едва заметные из-за высокой бурлящей воды. Мы медленно и осторожно переваливали через эти каменные гряды, рискуя ежеминутно быть разбитыми. Несколько матросов, стоя на носу с длиннейшими баграми, опускали их в глубину воды, громко перекликались с рулевым. Вячеслав был озабочен, и мы вздохнули свободно лишь миновав опасность.

После порогов местность сделалась сразу совершенно плоской, неинтересной. Вдали ни деревьев, ни кустика, только по обе стороны реки тянулись бесконечные песчаные берега.

Близ Екатеринослава [Днепропетровск (с 1926 г.)] находился металлургический завод, принадлежавший Брянскому обществу, председателем правления которого был мой муж, и под его руководством дело это процветало и получило огромное развитие. К вечеру другого дня мы прибыли в Екатеринослав. Этим и кончалось наше путешествие, так как туда мужа призывали заводские дела, и он надумал соединить удовольствие с делом.

Стоянка наша была прямо против завода, вне города, в чистом поле, где мы и причалили к песчаному, пустынному берегу. Кругом была ширь да гладь, только вдалеке виднелись высокие доменные печи завода, а немного левей высились купола городских церквей.

Мы подробно осмотрели завод, который своим шумом и огнедышащими жерлами печей навёл нас на мысль о крошечном аде. Сделав со мной и Киту короткий визит госпоже Горяиновой, жене директора завода, князь отпустил нас на пароход, а сам остался на заводе. Мы же, вернувшись домой, тут же на берегу занялись рыбной ловлей, а наши собаки купались. Киту часами сидела с удочкой пресерьёзно, а мне было смешно видеть такого деятельного, подвижного человека, как она, за этим занятием. Таким образом мы тихо провели три дня.

Когда князь покончил с делами в Екатеринославе, мы навсегда простились с «Благодатью». Решено было вернуться в Бежицу по железной дороге. Киту должна была нас покинуть, чтобы ехать к себе в Талашкино.

Грустно было расставаться с этим милым приютом, давшим мне столько дивных, волшебных, неизгладимых минут наслаждения. Ещё в бытность нашу в Киеве князь решил продать «Благодать» Днепровскому обществу. Вскоре после того, уже в Бежице, я получила прекрасный диапозитив – трогательное внимание киевлян: на фоне Киева красовался наш милый плавучий дом, переименованный в мою честь из «Благодати» в «Марию».

Елена СЕМЁНОВА

Поэт, журналист, обозреватель книжного приложения «НГ-Ех LIVRIS». Родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Стихи, статьи и эссе публиковались в «Независимой газете», «Литературной газете», газете «Трибуна», журналах «Юность», «Дети Ра», «Дон», «Перископ», «Литературный Иерусалим», «Новый Свет», «Крещатик», альманахах «День поэзии», «Среда», «Паровозъ», «ЛиФФт», «Другое полушарие», на порталах «Литература», «Культурная инициатива», «Совлит», «Формаслов», RESNOIR.NET и др. Автор поэтических книг «Стихотворения» (1996), «Испытайние» (2017), «Некрологика» (в соавторстве с Михаилом Квадратовым и Андреем Чемодановым; 2018), книги детских стихов «Камушек, фантик, цветок» (под псевдонимом Лена Листик; 2019). Дипломант Международного литературного конкурса «Бежин луг» (2018) и конкурса «Детское время» (2021). Соредактор-составитель поэтической антологии «Уйти. Остаться. Жить».

«НЕ ЗАПЛЫВАЙТЕ ЗА БУЙКИ...»

* * *

Будьте предельно осторожны,
Соблюдайте технику безопасности,
Делайте всё по предписанной инструкции,
Не заплывайте за буйки,
Не влезайте, а то убьёт,
Не вешайте, а то выстрелит,
Не плюйте, а то вылетит,
Не махайте почём зря хвостиком – разобьётся!..
И вот тогда всюду воцарятся благой мир
И вселенский покой,
И не будет больше этих странных,
Словесных построений этих безумных.
Как их? Ах, да – стихов...

* * *

У нас дома есть
Маленькая кастрюлька
Дюралева, с ручкой,
Совсем неказистая.
Живёт с лохматых
Советских времён,
Пимпочка у крышки
Давно отвалилась:
Я вставляла вместо неё пробку,
Закрепляя её гвоздём,
Но отвалилась и та.
В 90-е сосед, немец-фирмач
Ехидствовал, мол, кастрюлке вашей
Давно место на помойке...
Но мне нравилась кастрюлька –
В ней было так удобно
Варить яйца,
Как раз две штучки,
Сколько хочется съесть утром.
Русская жена дала Хорсту отставку.
Он, пожилой, вернулся в свою Рейн-Вестфалию,
Где-то в начале нулевых
Умер в Бонне в одиночестве.
Столько воды утекло:
Сгорел домик на даче,

Пожили и умерли собака и кот,
Потом ушёл папа.
У нас сменились стиралка,
Плита, холодильник,
Пожила и отдала концы микроволновка,
Мы сломали антресоли,
Поставили новые двери,
Ванну покрыли свежей эмалью.
А моя кастрюлька
Спустила двадцать пять лет
Всё ещё здравствует!
И я варю в ней яйца –
С коричневой скорлупой, как я люблю...
Кстати, пойду сварю
Пару штучек.

* * *

Открываешь с утра ленту, а там
Свежая бодрящая новость:
«В России проснулись гадюки».
Спасибо, хочется сказать,
Дорогие новостники,
Но вы ошибаетесь:
Гадюки в России не спят
И даже не дремлют
Никогда!

* * *

Возрасты Бог вживлял, как импланты.
Детство прижилось на ура, –
Видимо, организм был здоровый, крепкий:
Воспринимал и осваивал всё.
Тинейджерство входило с трудом –
Болело и воспалялось,
Тошнило и даже рвало.
Возможно, на базу подвезли
Просроченные материалы.
Но и оно вступило в контакт с органикой,
Стало ощущаться, как своё.

Поразительно легко, с полпинка,
Встроилась молодость!
Ничего не перекашивало, не ныло.
Ангелы говорят – это бывает крайне редко,
Почти чудо.

В прошлом году сняли слепки,
Прошла первая примерка зрелости.
Но она была какая-то странная –
В одном месте волочилась,
В другом – нещадно давила.

Сейчас отправили на доработку,
Но прогнозы не очень обнадеживают.
Возможно, понадобится эксклюзивный заказ
С Сириуса.

* * *

Хрупкость, нежность и боль –
Именно о них все на свете сюжеты.
Нет, они могут быть о войне, победе, динозаврах,
Но они всё равно о нежности, хрупкости и боли.

Грязный бомж где-нибудь в недрах Гарлема,
Выкрикивающий что-то хриплое,

Маленькая медузка в ладошке пятилетнего малыша
На берегу Средиземноморья,
Автомобиль, летящий с серпантина,
Атомная бомба, падающая на город,
Простодушный Емеля,

лепящий из глины наивные фигурки,
Слизень, ползущий по своим делам по гнилой доске.
Всё готово рассыпаться и исчезнуть в единый миг,
От этого больно и жалко.

Хочется создать нечто сильное, незыблемое,
Что защитило бы всех махом от боли и страданий,
Нечто похожее на мраморный замок или остров,
А может быть, баобаб или баньян,
Эдакую утопию, где все были бы защищены и счастливы.
Но, как показывает могучая история,
Это – невозможно,
Или возможно лишь в локальных точках и эпохах...

Возможна лишь сеть тонких родственных связей,
Которая, словно аксонами, соединяет нас
с друзьями, любимыми,
И хрупкость, и нежность в них, и боль,
Но боль проходит от воссоединения...

Давайте же станем огромным баньяном.

2023 год, Орёл. Фото Ирины Никашкиной

Сергей ОВЧИННИКОВ

Родился в 1963 году в Тульской области, врач и писатель, с 2001 года главный редактор, издатель литературного альманаха «Тула». Автор восьми книг прозы, в том числе «Танюша» (М., изд. «Книжный сад», 2001), «Девочка в жёлтом платьице» (Тула, изд. «Аквариус», 2014), «Пересечение судеб» (М., изд. «Звонница», 2021), «Толстой и Толстые» (Тула, изд. «Аквариус», 2021). Лауреат литературной премии им. Л.Н. Толстого (Тула, 2011, 2021), премии «Золотое перо Тулы» (2011), дипломант литературного конкурса Международного фестиваля «Золотой Витязь» за книгу «Мой учитель Лев Аннинский» (2020), за альманах «Тула» (2021). Обладатель «золотого диплома» конкурса «Золотой Витязь» за книгу «Пересечение судеб» (2022). С 1996 ежегодный участник Яснополянских писательских чтений. Публиковался в литературной антологии «Наше время», журналах, газетах, альманахах Тулы, Орла, Смоленска, Нижнего Новгорода, Калининграда, Лейпцига, Нью-Йорка, Вашингтона.

ЛЕТО В ОРЛОВСКИХ ЛУГАХ

Тёплым июльским вечером на сыром асфальте в Москве блестели отсветами рекламы большие лужи. Савин сидел под навесом за уличным столиком небольшого кафе, делая записи в стоящем на столе ноутбуке. Старался раствориться в пространстве, впитывая происходящее, улавливал обрывки речи шагающих мимо людей. Работая над очерком для газеты, Савин сравнивал Москву с кастрюлей ухи, в которой варится человечина. «В больших городах многие люди похожи на рыб, — писал он, — так же скользки и увёртливы, всё время хотят нырнуть в тину анонимности...» Сравнение показалось ему избитым, он стёр написанное. «Москва, как Вавилонская башня, где смешиваются народы и языки...» Нет, и это не годится... Савину многое приходилось стирать в результате самоцензуры. Медленно продвигаясь, он рассуждал в очерке о «тогах и магогах» — азербайджанцах, дагестанцах, чеченцах, узбеках, которые с 1990-х потоком хлынули в Москву, стремительно меняя её лицо. «Этнический сдвиг в столице, — выстукивал на клавиатуре Савин, — начался при первом столичном мэре. При нём отменили институт прописки, московские чиновники стали зарабатывать на взятках от южных диаспор...» Савину виделся в этом не только денежный интерес. Он думал, что некие силы хотят сделать славян этническим меньшинством в собственной столице, южане казались им более управляемыми, они легче укладывались в социальный порядок нового общества, которое в России стремительно разделялось на касты. «В России не изжито кастовое сознание, но любое разделение внутри себя вредно для страны и народа. “Дом, разделившийся в себе, не устоит”, — сказано в Библии. Гражданское общество России кровно заинтересовано в социальном балансе...» — торопливо печатал Савин.

Несколько минут спустя он откинулся на стуле, отпил из чашки остывающий кофе. «Москве, да и вообще Европе, перелили чересчур много чужой крови», — допечатал в статью Савин, поглядывая, как ветер гонит по асфальту брошенный кем-то мусор. Целлофановые пакеты иногда надувались и взлетали в воздух, чтобы через секунду ткнуться в бордюр. Некоторые мысли публиковать было невозможно: Савин прекрасно знал о принятых недавно ограничениях, да ему и самому не хотелось становиться причиной межнациональной вражды и ненависти. Устав от самоцензуры, он ещё раз посмотрел на улицу. Напротив кафе, где он расположился, светились стеклянные этажи громадного универмага, набитого электроникой. Две иномарки, не поделив дорогу, мигали аварийной сигнализацией. С рёвом сирены подкатила дорожная полиция. Молодой офицер, измерив следы торможения, стал заполнять на смятом капоте одной из машин протокол аварии.

Телефон Савина мелодично звякнул, высветилось короткое сообщение Алины: «Встречай во Внуково в 23 часа». Это вырвало Савина из оцепенения. Он убрал компьютер в сумку, оплатил кофе, направился к дому-башне, стоящему в глубине квартала.

Вошёл в гулкий подъезд с чередой детских колясок, стоящих у входной двери. Разъехались створки лифта, стены которого были тут и там оплавлены сигаретами, исчерканы английскими и русскими матерными словами, символически футбольных команд. Поднявшись в свою крошечную студию, расположенную в мансарде многоэтажного дома, Савин взял ключи от машины, вынул из вазы букет для Алины, спустился на улицу и выехал в аэропорт.

Алина с разбегу метнулась в его объятия, будто они вечность не виделись. Савина всегда восхищали её сильные чувства, хотя он понимал, что так могут радоваться люди только в детстве и молодости, когда все эмоции напряжены до предела. Савин, в свои сорок лет, был гораздо сдержаннее. Выдохнутый Алиной при поцелуе воздух был наполнен ароматом здоровья и молодости, от её близости у Савина кружилась голова. Он уже несколько раз предлагал Алине выйти за него, но девочка отказывалась переезжать в Москву, а ему стало бы тесно в Симферополе и Севастополе, при всей его любви к Крыму. При этом Алина и Савин часто виделись, она ездила в московские командировки от крупной симферопольской газеты, куда Савин помог ей устроиться. Он же навещал её в Севастополе, редактировал её статьи, очерки, дарил ей свои мысли, кусочки текстов. Алина понемногу превращалась в известного крымского журналиста.

Когда Алина прилетала, три дня она вначале отдавала Москве: музеям, паркам, литературным встречам. Летом — пляжам в Серебряном Бору, катанью на речном трамвайчике. Её прошлый приезд, например, был связан с Аннинским. Последний шестидесятник, человек удивительной свободы мысли, демонстративно презирающий денежные и властные резоны, стоял наособицу в мире литературоведческой мысли начала нового тысячелетия. Он, будто йог, удерживался на голове в кроватке, гниющем, иной раз омерзительном мире, сохраняя при этом душевную чистоту и комфортное равновесие. Савин верил: мир и продлевается Богом потому, что в нём есть такие люди, как Аннинский. Помимо Карабасов-Барабасов, превращающих жизнь в жестокий театр кукол: «Никакой жалости! Цыплёнок должен быть изжарен! Полезай в очаг!»

— Аннинский, — говорил Алине Савин, — эдакий весёлый Буратино, из любопытства сующий нос в картонный очаг мировой политики, философии, протыкающий в нарисованном очаге спасительную дыру... Оттуда сразу тянет свежим воздухом. Этим он мне напоминает Розанова.

Савин и Алина ездили на встречу с Аннинским в толстовский литературный музей на Пречистенке. Гости вечера то и дело отвлекались на посторонние темы: например, был ли Пушкин эфиопом, или он потомок другого Ганнибала из Ревеля? Каким образом сказалося на политике России масонство Павла Первого? Аннинский возвращал всех к главным вопросам, кото-

рые его интересовали: что с нами происходит сейчас, почему мы такие злые? Как человечеству удержаться в XXI веке от больших войн, которые несколько раз терзали нас в веке XX-м?

Савин, выступая, говорил, что удержаться от скорой войны вряд ли получится: новые технологии контроля над сознанием через интернет и телевизор делают людей предельно управляемыми. Глобальные кукловоды обязательно спровоцируют войну в Евразии. Спустя два часа публичного общения Савин и Алина провожали Аннинского до метро, говорили о Розанове.

— Он был очень эмоционален, почти как женщина, — замечал Савин. — Но женской интуицией, совмещённой с мужским умом, он прозревал то, до чего не могли додуматься другие. В его сумятице мыслей есть удивительные озарения, словно выхваченные из нашего времени.

— Мужское начало само по себе не всегда плодотворно, — соглашался Аннинский, — мужчины — завоеватели. Они не могут рожать, а творчество — это акт рождения.

— И даже в подчёркнуто мужских стихах Пушкина, Лермонтова есть женское начало, — добавил Савин. — Я нашёл в письмах Пушкина свидетельство, что у него каждый месяц были приступы необъяснимой хандры, как у женщин в известных обстоятельствах.

— Я недавно видела вас в фильме «Подкидыш», — меняла тему Алина. — Кто бы мог подумать, что из такого смешного мальчика получится большой философ.

— До философии мне тогда было далеко, — улыбнулся Аннинский. — В фильме я хотел стать пограничной собакой. И к старости я стал ею! Я охраняю границу между мирами евреев и русских. По матери я еврей, а по отцу русский. Не хочу, чтобы наши миры ссорились. У каждого своя правда, но мне хочется, чтобы эти правды не кровянили друг друга. Иногда они всё же сшибаются, и тогда задача людей культуры — извлечь из этих столкновений смысл. Чтобы столкновение идей вылилось не в погромы, не в фонтаны крови из простреленных голов, а в книги. Мне кажется, на планете есть всего три мессианских народа: евреи, немцы и русские. В конце двадцатого века мне показалось, что русские не выдержали своего мессианства, кишка оказалась тонка. Считал, что Россия превратилась в обычное государство, где люди думают, как и положено, о марке своей машины, об отпуске и евроремонте. Может для народа это и неплохо — можно спокойно растить детей, путешествовать, а вселенские задачи пусть, надрывая себе пупы, решают другие... Но я ошибся! Похоже, русским снова придётся пойти против всего мира, против немецкого имперского проекта — Евросоюза. Немцы совсем недавно, при Гитлере, пытались объединить народы Европы военными методами и потерпели страшное поражение. Теперь они пытаются действовать через экономику! Могли бы спокойно жить в своей заново объединённой Германии, но дух экспансии в них не убывает. Евросоюз снова шагает на Восток новым «Драгах Остен», и, скорее всего, это движение на восток опять упрётся в Россию, как пятьдесят лет назад!

— А англосаксы? Разве не мессианский народ? — удивлялся Савин. — Они ведь тоже строят мировую империю, в которую Евросоюз входит как составная часть!

— В новой большой империи заправляют не англосаксы, — сказал Аннинский, стремительно исчезая в норе метрополитена.

Алина и Савин остались тогда на Новом Арбате, среди ярких огней и музыки, доносящейся из светящихся ресторанов. Дома-книжки разворачивали свои гигантские страницы, мимо неслось стадо лакированных машин, слегка моросил дождь, но Савину казалось, что город ласково обступает его. Савин любил Москву: это был его город, его народ, его время.

Но дождей и сутолоки в Москве с избытком даже летом, поэтому, отдав столице долгие три дня, обычно Савин и Алина уезжали куда-нибудь на выходные. Если погода казалась снос-

ной, предпочитали уединиться где-нибудь в Подмоскowie. Савину в отелях неплохо работалось, тем более рядом с Алиной. В последнем безмятежном июле — кажется, это был 2013 год — они направились в Орёл, чтобы навестить престарелых родителей Савина. Вначале посетили усадьбу Толстого, устроившись в гостинице Ясной Поляны. Находилась она среди зелени тульских зазек, во дворе там имелся хороший ресторан. Пообедав, удобно расположились на балконе гостиницы. Алина изучала английский язык, заставляя Савина отвечать ей, он же сопротивлялся, намеренно коверкая иностранные слова.

— Хватить дурить! — возмущалась Алина, разложив принесённый Савиным шезлонг. — Ты сейчас портишь мне лингвистическое подсознание!

— Тебе свой язык освоить бы! — парировал Савин. — Ты иногда и по-русски говоришь неправильно!

— Ты почему такой злой? — спрашивала Алина.

— А ты не знала, что я злой? — горячился Савин. — Литература не связана с хорошим характером! Добряк редко бывает литературно талантлив!

— Ну, тогда ты настоящий талантище, «матёрый человечиче», — усмехалась Алина, вспоминая знаменитое выражение Ульянова.

Она удобно расположилась в шезлонге, едва прикрытая купальником. Родившись на юге, Алина не могла долго выдержать без солнца. Савин косился на ровный загар её грациозных рук, по-детски вздёрнутый нос, на выпуклости её худенького тела, чувствуя подступающее желание. Ему хотелось поработать с текстом, но красота Алины победила, он утянул девчонку в номер. Она слишком долго шумела водой в душе, он устал ждать, принёс её на руках в постель мокрую, с каплями воды на волосах и коже...

— Ты мне изменяешь в Севастополе? — спросил после Савин.

— Не превращайся в ревнивого старикана! — вспыхнула Алина. — Ревность идёт от чувства собственности, это женщину унижает! Мы с тобой свободные люди!

— Вот брошу тебя, — сказал Савин, — тогда будешь абсолютно свободной!

— Не надо меня бросать, — навалилась на него сверху Алина. — Мы так не договаривались! Ты обещал любить меня вечно!

— Когда я обещал? — удивился Савин.

— Ага, у тебя проблемы с памятью! Ты уже по-стариковски начал всё забывать, — прошептала Алина, проваливаясь в мимолётный сон.

На следующий день они навестили родителей Савина, живущих в районном городке недалеко от Орла. Отец разрешил им пожить на своей даче. Стояла прекрасная погода, машина Савина бодро летела к небольшой деревеньке в тургеневских местах. Алина высовывалась в окно: стремительно менялись виды, облака то и дело закрывали солнце своим светящимся краем.

Отцовский домик Алина тут же прибрала, постелила на старенькую кровать чистое бельё, после бани сидела на веранде, пила чай, над кипятком в стаканах уютно вился пар, Алина читала вслух прежде написанное ею. Савин критиковал её идейную автономность, говорил, что ей надо быть не только журналистом, но и художником, впуская в свой текст облака, цветы, горящие свечи, книги, ветер, развевающиеся занавески этого домика...

Ночью дом наполняла звучная нежность Алины: она не молчала, раскидывая на простынях руки, выгибая худенькое тельце, запрокидывая голову, отстраняя от Савина своё лицо с выражением счастливого страдания.

Под утро, когда уходящую ночь отпевали соседские петухи, Савин проснулся пораньше, заварил крепкий кофе, ушёл на веранду, сосредоточился на работе, чтобы после, когда Алина проснётся, полностью отдаться летнему утру, солнцу, луговому

запаху разнотравья. От их домика открывались пасторальные виды с изгибами бирюзового ландшафта. Савину хорошо здесь работалось. Липовые вертолётники, вращаясь, падали на письменный стол. Соседская кошка осторожно подходила к его ногам. Вскоре проснулась Алина. Собрав садовую землянику, она поставила измазанный ягодами тусок на стол, убрав оттуда свои книги по индийской философии.

— В Индии есть сотни племён, которые исповедуют многобожие, как в античном мире, — продолжая вчерашний разговор, сказала Алина. — По их мнению, боги — это смертные существа, и выдающиеся люди могут стать такими же богами. Как тебе это: «Станьте, как боги!» Похоже, это вечное стремление человечества?

— Не стремление, а искушение, — подумав, ответил Савин. — В этом и была суть грехопадения Адама и Евы. Не забывая себе голову чужой философией. В нашем русском кодексе есть прекрасная истина: все духовные законы включены в любовь и проистекают из любви. Наш внутренний закон — любовь. А внешний — красота. Если в человеке нет любви к Богу и людям, значит он живёт неправильно...

— Зло тоже бывает красивым, — заспорила Алина, её губы при этом вздрагивали от волнения. — И вообще, ты говоришь так, будто знаешь правду! Но абсолютная истина закрыта от человека!

Савин удивлённо покачал головой, не стал возражать, потому что от взгляда на Алину у него на сетчатке оставалось яркое пятно, как после взгляда на солнце. Он отвёл глаза, взглянул, как сверкает серебряная струя, бьющая из поливального шланга, вновь погрузился в работу. Когда его способность внятно складывать слова иссякла, они с Алиной отправились прогуляться к речке, которая вилась здесь, в лугах, холодная и прозрачная от обилия родников. Савин вооружился отцовским подводным ружьём и сбруей для подводного плавания, нырнул — через несколько минут принёс небольшую щучку.

На следующий день, положив в багажник отцовский металлоискатель, они поехали к старой брошенной деревне, найденной по карте в Интернете, хотели найти кусочки бронзы и меди, которые наверняка сохранились в толстом слое многовековой нажиги. Пицал металлоискатель, звенели в траве кузнечики, Савин работал острой лопатой, коровы ходили вокруг, вышлёпывая лепёшки навоза. Дойдя до источника звука, Савин обнаружил кованый гвоздь, подкову и зеленатоватую монету с почти стёршейся поверхностью. Судя по ней, деревне было не менее семисот лет. Эти предметы, казалось Савину, сохраняли энергетику давно умерших предков здешнего люда. Савин представил жизнь здесь в XIV веке: дорогу, что вилась возле реки, избы и клети, коров на пастбище. Мысли рушились на него водопадом, Алина, устав находиться на солнце, попросилась домой.

Вечером за деревьями тускнела полоса июльского заката, ночью в восточных и грохотом над ними проносилась гроза, лупил дождь по железу крыши, шипела на гром соседская кошка. Утром возле крыльца встречала свежесть примятой ливнем зелени, промытый до хрустальной прозрачности воздух. На слегка приникших листьях капусты и кабачков сверкали мириады дождевых капель. От обилия влаги множились комары, Савина они почти не трогали, Алине же приходилось гонять их, почёсываясь и размахивая руками. Днём комары исчезали, можно было спокойно внимать откровениям летних далей, испытывая счастье неспешной возни со словом. Весенняя свежесть Алины заставляла Савина обнимать её при каждом удобном случае.

— Хватит уже, — смеялась она, — ты меня замучил!

«Мир в молодости расширяется, как вселенная после большого взрыва рождения, — выстукивал Савин в компьютере, — а

затем, ближе к пятидесяти, мир начинает сужаться. Происходит схлопывание человеческого мира, смерть же после всего — переход в другое состояние. Недаром говорят, что каждый человек — это маленькая вселенная, которая не может сама себя осознать. Мы воспринимаем окружающее шестью органами чувств, но многое происходит в других измерениях, и потому наше осознание происходящего всегда неполное...»

— Ты веришь, что мы увидимся после смерти? — спросил он Алину, поднимая голову от компьютера.

— Верю, иначе всё было бы слишком страшно, — ответила Алина, поправляя ленточку сарафана.

— Нужно торопиться жить, — говорил Савин, — время пройдёт быстро. Давай поженимся. Я хочу ребёнка...

— Чуть позже, — вздохнула Алина. — Я ужасно боюсь что-то менять. Боюсь потерять наше счастье. Насмотрелась на семейную жизнь подруг. Два года после свадьбы — и как они люто ненавидят друг друга! Сильнее, чем любили! А всё потому, что никуда друг от друга не деться. Мне сейчас никто не нужен, кроме тебя, но что будет дальше? Я не хочу получить печать в паспорте вместо любви...

— Ладно, — сказал Савин, — я подожду ещё немного. Но у меня не так много времени... Это у тебя вся жизнь впереди.

В последний их день на орловской земле Савин повёз Алину в знакомый монастырь: там был престольный праздник. Савину нравился деревенский дух этого монастыря, синий цвет его крыш и красная охра стен. Одну из тамошних монахинь он часто видел ещё в миру, старушка теперь узнала его, и было что-то родственное, трогательное в этом узнавании... В монастыре тогда служили два священника — один молодой и весёлый, а второй уже грустный от возраста и болезни. Старый вдруг сказал во время проповеди, что ему скоро умирать, и потому он, наверное, многих приехавших никогда больше не увидит, потому он просит прощения. Он вдруг встал перед Алиной на колени, Савин разволновался от этого. Чтобы успокоиться, он вышел на прилегающие к монастырю сельские улочки, заросшие мальвой и бузиной. Вскоре начался крестный ход: впереди двигались мужчины-хоругвеносцы во главе с батюшкой, позади — сельские женщины в грубых, почти армейских башмаках. Савин смотрел на эти башмаки, обходящие лужи на сельской дороге, на стадо гусей, галдящее у обочины, на детей, бегущих рядом со священником. Когда тот кропил их из чаши, дети визжали от радости, бросаясь врассыпную. Процессия спустилась к источнику, который пульсировал внизу в деревянном срубе. Чтобы набрать воды, тут нужно было опуститься на колени. Священник погружал в воду крест, поливал всех широкими взмахами руки. Всякий раз, когда струи родниковой воды серебряным веером летели на обступающих священника людей, женщины вздыхали и охали. Старушки при этом лепетали совсем по-детски:

— Вот, потому что сами не хотим кунаться!

После крестного хода все двинулись назад — за монастырскими пирогами. На столике возле храма кипел самовар, вереницей стояли кувшины с компотом, сваренным из монастырской смородины. Савин и Алина съели по куску пирога, окунулись в ледяную воду освящённой купальни. Савин, затаив дыхание, опускался в воду с головой, слушая, как за стеной поют тропари купающиеся женщины.

Надо было ехать домой. Стонали шины на асфальте шершавой дороги, вскоре Савин обнимал Алину в суতোлке московского аэропорта, девчонка плакала, прощаясь. Он тоже обнимал её с тяжёлым сердцем, предчувствуя, что такой поездки больше никогда не случится. Вечером, лёжа в своей нагретой солнцем квартире, Савин вдыхал запах духов Алины, сохранившийся на её забытой рубашке. Савин очень боялся, что этот запах может навсегда исчезнуть из его стремительно убывающей жизни.

Наталья ТИМОФЕЕВА

По первому образованию филолог, второе образование – экономическое. Окончила курс литературного мастерства в Литературном институте им. А.М. Горького, литературные курсы им. А.А. Ахматовой. Автор трёх поэтических сборников, книги литературных переводов и многочисленных публикаций в периодике. Лауреат международных конкурсов: «Славянские традиции», «Уральский книгоход», «ЛитКузница», «Русский Гофман», «Славянское слово», «Славянская лира», «Литературные Старки», «Балтийский Гамаян», «Петроглиф», «Возлюбленные Музы», «Серебряный голубь России», «Диас» и др. В настоящее время проживает в г. Химки (Подмосковье).

КЛЮЧНИЦА

Я – ключница. Мои ключи скрипичны,
и каждый отворяет двери лично
в пространство неизведанных миров.
Я охраняю тысячу религий
и замечаю маленькие сдвиги
в кардиограммах улиц и дворов.

Вот нотой "до" упал на дно колодца
булыжник, что вовек не разобьётся,
вот нотой "си" звучит стрижа полёт.
А вот раскрыты окна. Между делом
на лбу, щеках и шее загорелой
"соль" солнечного зайчика живёт.

Шумит берёза тихо в ре миноре,
вьюнок цепляет струны на заборе
за гвозди – поржавевшие колки.
Подтягивай да изменяй созвучье!
Профессий не бывает в мире лучше,
чем те, что кормят соловья с руки.

Я знаю точно: скрипкой лечат душу.
Лишь вырвется звучание наружу,
я отлучусь с поста на пять минут
скрипичный ключ вручить, как лучик солнца,
пусть он строкою дальше отзовется
в пространстве, где слова-ключи живут!

За лёгкой дымкой утренней прохлады
рождается отсчёт начала дня.
Мне целый день дарован как награда
в подарочных узорах бытия!
К обёртке прикасаясь в предвкушении,
я с чашки кофе начинаю день.
Спасибо, жизнь, за новый день рождения
и под окном цветущую сирень,
за льющийся поток лучей весенних,
за буйство зеленеющей весны,
за строки небольших стихотворений
про золотые маковки Москвы.
За переливы песен птиц, что в парке,
как метроном, подскажут сердцу ритм,
за чудеса, что спрятаны в подарке,
за чувств и ощущений колорит,
за то, что мне даровано начало
такого удивительного дня!
За целый день – а это так немало
и так бесценно в утре для меня!

ЛАСТОЧКИ

У ласточек особенная статья:
в костюмах стюардесс дано летать,
зачёсывая чёлку гладко-гладко.
Присядут рядом, прощечечут: вам
сок яблочный иль красного сто грамм? –
Ах, до чего легка у них посадка!

Идёт успешно плановый полёт.
Вот за собой уверенно ведёт
в потоках ветра ласточка-хозяйка.
Смотрю, как целый выводок птенцов
справляется с полётом молодцом.
А после – нот разбросанная стайка

на проводах о чём-то о земном,
аллегро исполняя над селом,
щебечет, что для счастья нужно малость:
лишь ощути крылатость, как тогда,
когда считать скакалкой провода
по-детски нам с тобой легко давалось!

ПРИТЯЖЕНИЕ

Мы оба, как в излуине реки
два берега, что тянутся друг к другу.
Мы мотыльки, а может, васильки,
мы синей гладью вышиты по кругу
и потому не встретимся никак.
Но лишь в невстречах – сила притяженья,
миропорядка творческий пустяк,
законы окрылённого движенья,
чтоб трепет передав материкам,
сдвигали тектонические плиты
два маленьких и хрупких мотылька
по замыслу богини Афродиты.

И шелест тростника, и шёпот моря,
и ветра завывание вдали,
и то, как чайки за добычу спорят
под мудрое молчание земли –

я слышу всё, я зритель и участник,
я понимаю космоса язык.
Я тот, кто всеобъемлющее счастье
носить в себе зародышем привык.

Я знаю, белой точкой на рассвете
сильнее в море манит свет звезды,
ведь все мы – двух стихий шальные дети
с земною непокорностью воды.

В ГОСТИ К ЦВЕТАЕВЫМ

Если окажетесь в Ивановской области, не поленитесь и посетите интересное намоленное место в Ново-Талицах, где жили и творили удивительные люди из рода Цветаевых

Церковь Николая Чудотворца построена в 1775 г. на средства владельца села Николо-Талицы контр-адмирала Никифора Ивановича Молчанова, родившегося в селе Ново-Талицы Шуйского уезда Владимирской губернии (ныне Ивановский район). В печатных источниках имеются данные, что церковь в честь Николая Чудотворца была построена «усердием помещика Молчанова и прихожан».

Каменный четырёхпрестольный храм с колокольной стал украшением села. В холодной части храма устроены приделы в честь Святителя Николая Чудотворца, святого пророка Илии и святителя Димитрия Ростовского, в тёплом приделе – престол в честь святой великомученицы Параскевы Пятницы. Колокольня построена в 1820 г.

При Николаевской церкви в 1855 году была построена церковь в честь великомученицы Варвары усердием помещика Петра Кирилловича Меркулова. История храма тесно связана с историей семьи Цветаевых.

19 января 1853 г. в село (или, как тогда говорили, погост) Талицы был прислан священник Владимир Васильевич Цветаев. В указе Шуйского духовного правления говорилось следующее: «...

для прихода погоста Талиц, пришедшего в крайнее расстройство по делам веры, потребен Пастырь образованный, благоразумный, деятельный и безукоризненный в нравственности». Именно таким священником стал отец Владимир. А уже 17 ноября 1853 г. он был награждён набедренником «за попечение о приведении в порядок расстроившегося прихода». За 31 год его службы в храме было сделано очень многое: обновлён иконостас, церковная утварь и ризница, перелит колокол с добавкой веса, открыта церковно-приходская школа. В Талицах Владимир Васильевич дослужился до благочинного, получив перед самой смертью сан протоиерея.

Умер Владимир Васильевич 19 марта 1884 г. А 22 марта состоялось его отпевание в местной церкви при участии двух протоиереев и 16 священников. Похоронен у алтаря Свято-Никольского храма. Сейчас на территории музея находятся плиты с могил о. Владимира, о. Петра и Фёдора Владимировича Цветаевых.

Фёдор Владимирович ЦВЕТАЕВ – дядя поэта Марины Цветаевой.
(1849–1901)

После окончания Петербургского университета со степенью кандидата в 1874 г. поступил учителем русского языка в Шуйскую мужскую гимназию. В 1875 г. переведён в реальное училище г. Орла. С января 1884 г. началась его педагогическая деятельность в Москве, в 6-й мужской гимназии и в Усачевско-Чернявском женском училище. С 1887 г. – инспектор 2-й женской гимназии.

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

(26 сентября [8 октября] 1892 — 31 августа 1941) — русский поэт Серебряного века, прозаик, переводчица.

Её отец, Иван Владимирович, — профессор Московского университета, известный филолог и искусствовед. Мать, Мария Мейн, была пианисткой, ученицей Николая Рубинштейна...

В 1899–1902 гг. Цветаева училась в Музыкальном Общедоступном училище В. Ю. Зограф-Плаксиной в классе фортепиано.

В 1901–1902 гг. училась в Четвёртой женской гимназии. Родилась: 8 октября 1892 г., Москва, Российская империя. Умерла: 31 августа 1941 г. (48 лет), Елабуга, Татарская АССР, РСФСР, СССР.

В браке с: Сергей Яковлевич Эфрон (1912–1941 гг.).

Родители: Мария Александровна Цветаева, Иван Владимирович Цветаев.

Дети: Эфрон Георгий Сергеевич, Ирина Сергеевна Эфрон, Ариадна Сергеевна Эфрон.

В Музее семьи Цветаевых в Ново-Талицах прошла презентация книги Натальи Елизаровой "Озеро" (Издательство "3-е ИЮЛЯ", 2023) и показ документального фильма "Девичья пушка" по книге орловского писателя и журналиста Геннадия Майорова. Наталья почитала зрителям новые стихи и рассказ "Красное платье", а Геннадий Николаевич рассказал о проекте "Вечный огонь", или "Из книги – на экран", который охватил уже множество регионов РФ. Погода благоволила гостям, а научный сотрудник Дома-музея Елена Шведова провела интересную экскурсию, в ходе которой выяснилось, что один из братьев Цветаевых преподавал в Орловском реальном училище.

Музей расположен в деревянном рубленом доме, где с 1853 года в течение 75 лет жили три поколения семьи Цветаевых. Владимир Васильевич (1819 – 1884 гг.) – священник, дед великого русского поэта Марины Ивановны Цветаевой, приезжает в Талицы с семьёй и поселяется в приходском доме, который находится на живописном берегу реки Вергузы. Его дети – Пётр, Иван, Фёдор и Дмитрий – выросли достойными, образованными, интеллигентными людьми, настоящими сынами своего Отечества.

18 мая 1995 года, в Международный день музеев, дом распахнул свои двери для посетителей.

Здесь в уютных залах сочетается быт священнического дома с крестьянским укладом. Личные вещи, книги, фотографии дают возможность посетителям почувствовать дух того времени, прикоснуться к его реликвиям.

В музее живы традиции: ежегодно, в последние выходные мая, проводятся Цветаевские чтения. В эти

дни вы сможете пообщаться с потомками семьи, творческой интеллигенцией, представителями Цветаевских музеев России, краеведами и другими интересными людьми. Проводятся литературно-музыкальные гостиные, встречи с музыкантами, писателями и поэтами. Хорошей традицией стало привозить саженцы из городов, которые, так или иначе, связаны со знаковыми событиями в жизни представителей этого славного рода. Теперь рядом с музеем растут липы, рябины, можжевельник, тополя, берёзки, привезённые из Коктебеля, Тарусы, Шуи, Елабуги, Болшева, Ясной Поляны.

Здесь же находится первый в России памятник Ивану Владимировичу Цветаеву.

В областной библиотеке им. И.А. Бунина состоялась встреча писателей Подмоскovie с коллегами и другими представителями творческой интеллигенции Орла и области

Цель визита была заявлена просто: наладить творческие связи с писательским и литературным сообществом нашего города, который даже в Москве и Подмоскovie называют не иначе, как третья литературная столица России. Возглавил делегацию секретарь Союза писателей России, председатель правления Московской областной организации СПР, поэт, прозаик Сергей Антипов. Вместе с ним в Орёл приехали известные поэты и писатели Владимир Зайцев, Александр Фёдоров, Владимир Шанцев и другие.

У этой встречи была ещё одна не менее важная миссия: 2-го сентября 2022 года, то есть немногим более года назад, ушёл из жизни один из самых ярких и самобытных поэтов и прозаиков последних десятилетий, наш земляк, автор многих стихотворных сборников, романов, повестей, эссе и других замечательных произведений Лев Константинович Котюков. Побывать на его малой Родине и почтить память этого талантливого человека и приехали в Орёл его коллеги.

На протяжении двух с лишним десятилетий, начиная с 1999 года, Лев Котюков возглавлял Московскую областную писательскую организацию, которую, собственно, он же и основал. Всегда, при любом удобном случае, скажет потом Сергей Антипов, Лев Константинович неизменно говорил, что он из Орла, он орловский. Корней своих не забывал, любил и помнил Орловщину.

Приветствуя гостей и всех собравшихся на эту встречу, директор Бунины Людмила Бородина отметила, что в этом зале и прежде, и теперь проходят различные значимые мероприятия, в том числе, чествование мастеров пера и художественного слова, библиотека всегда была и остаётся местом притяжения творческих людей.

— Нет сомнения, — подчеркнула она, — что сегодня в открытом списке славных литературных имён орловской земли с особой теплотой и наполнением зазвучит имя Льва Котюкова, а его книги займут достойное место в ряду других наших замечательных писателей.

Секретарь Московской областной писательской организации Сергей Антипов, избранный на этот пост после ухода Льва Котюкова, поблагодарил коллектив библиотеки и всех, кто был причастен к организации визита, за душевность и тёплый приём.

— Я в Орле первый раз, — признался он, — но сразу почувствовал обаяние орловской земли, доброту и сердечность каждого, с кем успели встретиться и познакомиться за эти короткие часы.

В первой половине дня для гостей была организована экскурсия в музей писателей-орловцев, а затем в библиотеке им. И.А. Бу-

НА РОДИНЕ ПОЭТА

нина собрались орловские журналисты и писатели, представители других творческих организаций.

Много добрых слов и душевных воспоминаний о Котюкове прозвучало из уст выступавших. Лев Константинович родился в Орле в 1947 году. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького вместе с Николаем Рубцовым, Анатолием Передревым, Юрием Кузнецовым. Работал литконсультантом в областной молодёжной газете «Орловский комсомолец», публиковался в газетах «Правда», «Комсомольская правда», других изданиях. Вместе с женой, Еленой Яковлевой, журналистом «Орловской правды», в 1986 году переезжает в Подмоскovie, в город Пушкино. Именно с этой поры во всю мощь стал раскрываться его многогранный поэтический и художественный талант.

В 1990 году Котюкову присуждают годовые премии такие популярные издания, как журнал «Молодая гвардия» и «Литературная газета». Заметным явлением в поэзии в те годы стали его книги «В одинокой толпе» и в «Змеиных зеркалах». В соавторстве со своим другом детским писателем Сергеем Ивановым написал остро сюжетный роман «Смерть двойника».

В 1990-е годы Лев Котюков работал главным редактором издательства «Нипур», а с 1997 года и до последнего дня был главным редактором журнала «Поэзия».

Лев Константинович за свои литературные труды был отмечен немислимым количеством всевозможных региональных, Всероссийских и международных премий, награждён многими государственными и общественными наградами, его книги переведены на английский, немецкий, испанский, польский, китайский, непальский и другие языки. Он стал первым обладателем Международной премии святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, отмечен Московской патриархией и Патриархом Всея Руси Алексием II. Ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Помимо гостей из Подмоскovie, рассказавших много интересного о творческой судьбе Льва Котюкова, воспоминаниями о нём поделились и орловские писатели Михаил Турбин, Геннадий Майоров, композитор Евгений Дербенко и другие.

В дар библиотеке им. И.А. Бунина вручили целый набор книг Льва Котюкова и журналов «Поэзия». Один из таких номеров, вышедший уже в этом году, посвящён памяти Льва Константиновича. В его честь писательской организацией Подмоскovie учреждена Памятная медаль имени Льва Котюкова.

Нет сомнений, что уже в скором времени в областной библиотеке им. И.А. Бунина будет открыт стенд и книжная выставка произведений нашего талантливого земляка, и мы сможем по достоинству оценить его литературный дар.

К сожалению, из-за болезни в Орёл на этот раз не смогли приехать жена Котюкова Елена Григорьевна и его сын Константин Львович.

Михаил КОНЬШИН
Фото Сергея Мокроусова

БАБОЧКА

Железной ночью, как в тюрьме,
лежу, едва живой.
Ночная бабочка во тьме
порхает надо мной.

А ночь безвидна и страшна,
как сон небытия...
И бабочка – моя душа,
а может, не моя...

И тихий шелест у лица...
Лежу, глаза открыв,
И слышу, как летит пыльца
во тьме с эфирных крыл.

Но страшен сон небытия
над бездной неземной.
И может, я совсем не я,
а кто-то неродной...

И озаряет дальний свет
незримые холмы,
И никого роднее нет,
чем бабочка из тьмы.

И вдруг становится легко,
как будто век не жил,

Лев Константинович Котюков (9.01.1947 г. - 2.09. 2022 г.) – один из значимых поэтов России нашего времени. Он автор более сорока книг поэзии и прозы, получивших заслуженное признание у отечественных и зарубежных читателей.

В 1965 году Лев Котюков поступил в Литературный институт имени А.М. Горького, где учился вместе с Николаем Рубцовым, Анатолием Передревым, Юрием Кузнецовым, Юрием Гусинским, оказавшими на него, в силу своего старшего возраста, серьёзное влияние. Во время учёбы работает со студенческими отрядами в Сибири, публикуется в «Правде», в «Комсомольской правде», областных газетах Орловской области и др. Оглядываясь на институтские годы, Лев Котюков с благодарностью вспоминал преподавателей – и, в первую очередь, руководителя своего творческого семинара Сергея Сергеевича Наровчатова.

В 1970 году, после окончания института, не соблазнившись московской пропиской, Лев Котюков возвращается на малую родину и начинает карьеру литератора. Работает литературным сотрудником областной газеты «Орловский комсомолец». За творчество и общественную деятельность награждён Почётным знаком ЦК ВЛКСМ.

Но нежелание угождать власть предержащим и глубокий внутренний разлад, а также весьма вольный образ жизни делают его персоной «нон грата» в Союзе писателей и местных редакциях. Его рукописи возвращаются с жёсткими издательскими приговорами: «Идеализм. Богоискательство. Мировоззренческая неразбериха». По мере ослабления цензуры, в свет начинают активно выходить его книги. В 1982 году, по рекомендации известного писателя и общественного деятеля С.С. Наровчатова, Лев Котюков принят в Союз писателей СССР. В 1986 году переезжает в Подмоскovie. До 2012 года Лев Константинович проживал в городе Пушкино, последние десять лет жил в городке писателей «Переделкино».

В 1990 году Котюкову присуждают годовые премии такие популярны издания, как журнал «Молодая гвардия» и «Литературная газета».

В девяностые годы работал главным редактором издательства «Ниппур», с 1997 года – главным редактором журнала «Поэзия».

В 1999 году Лев Константинович избран председателем правле-

И опадает на лицо
пыльца с эфирных крыл...

НА ОКОЛИЦЕ ВРЕМЁН

*Я никому ничего не должен
в этой жизни..
Абсолютно ничего,
кроме любви...*

Словно эхо жизни чуждедальной
Убывает мой незримый свет...
И, светясь, дрожат во тьме астральной
Ледяные яблоки планет.

И неведом тайный смысл Вселенной
На глухой околице времён...
И ни рая, ни Адама с Евой. –
Только Божий бесконечный сон.

И в садах вечерних нынче зябло,
Как в преддверье жизни неземной...
И не знает вкуса своих яблок –
Яблоня, посаженная мной.

Непостижен страшный смысл Вселенной,
Где без зла беспомощно добро...
И ни рая, ни Адама с Евой, –
Но болит, болит моё ребро...

ния Московской областной организации Союза писателей России.

Лев Котюков — первый поэт в истории России, отмеченный за литературные труды Московской Патриархией и Патриархом Всея Руси Алексием Вторым. Он – также лауреат ещё более тридцати международных, Всероссийских и региональных литературных премий.

Лев Константинович Котюков при жизни вёл большую организаторскую работу, был председателем правления Московской областной писательской организации, секретарём правления Союза писателей России, членом Исполкома Международного сообщества писательских Союзов, членом Бюро президиума Международного литературного фонда, ректором Высших литературных курсов имени И.А. Бунина и др.

Лев Котюков – заслуженный работник культуры Российской Федерации, он награждён многими государственными и общественными наградами. Творчество Льва Котюкова известно далеко за пределами нашей Родины, его произведения переведены на английский, немецкий, испанский, польский, китайский, непальский и другие языки.

За вклад в мировую культуру Лев Котюков награждён орденом ЮНЕСКО «Крылатый лев».

ОТ ХАМА МОЖЕТ РОДИТЬСЯ ТОЛЬКО ХАМ

Семья. Мои родители не были ни академиками, ни людьми высокого искусства, но мат дома я никогда не слышала. Просто было не принято. Сегодня я наблюдаю, как на “исконно русском” общаются не только подростки, но даже маленькие дети. Откуда это у них? Всё изначально идёт из семьи. Если мама и папа любят крепко выразиться и не стесняются изъясняться таким образом при ребёнке, детская память всё схватывает на лету и берёт это за норму.

Окружение. Вы могли заметить за собой, что при общении с определёнными людьми вы не материтесь или делаете это реже, в то время как в кругу других вы можете позволить себе высказываться более свободно. Если ваши друзья матерятся как сапожники, расстаться с матом самому будет сложнее. Среда играет для человека крайне важную роль, ведь не зря люди говорят: “Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты”.

Интеллектуальное развитие. Согласитесь, не так часто встретишь успешного образованного человека, который изъяснялся бы трёхэтажным матом. Как правило, подобная речь ассоциируется у нас с людьми, чьи профессии не отличаются статусом и престижем (сапожники, сантехники, слесари и прочие). За неимением хорошего словарного запаса люди заменяют большинство слов им подобными бранными выражениями. Ведь чтобы высказаться красноречиво и привлекательно, нужно знать гораздо больше, чем три базовых слова.

Протест. Преимущественно это касается молодёжной среды. Подростки матерятся, чтобы выглядеть круче, свободнее, взрослее, показать, что для них не писаны правила и никто не авторитет. Часто такая ситуация возникает у детей, которых чрезмерно опекали и контролировали родители. Взрослея, эти примерные девочки и мальчики пускаются во все тяжкие, пытаются компенсировать давление. Кто-то с возрастом решает свои психологические проблемы, кто-то так и остаётся протестантом.

Стрессовые ситуации. Пожалуй, это одна из наиболее оправданных причин, по которым с уст многих людей слетают нецензурные слова. Забивали гвоздь – попали молотком по пальцу, упали – сильно ушиблись, уронили и разбили телефон, лишились ценной вещи из-за кражи и т.п. В подобных ситуациях даже самые культурные люди могут не сдержаться и крепко выругаться.

Желание впечатлить. В частности, я сейчас о той категории людей, речь о которых шла в самом начале статьи. Их рассказы интересны, преподносятся с юмором, мат употребляется для передачи яркого впечатления, выглядит уместно и не режет слух. Но такие люди знают, в каких ситуациях и в каком обществе допустимо использовать подобные усилители звучания.

Несдержанность. Это не про то, как молоток случайно соскользнул с гвоздя и неаккуратный мастер не сдержался и выругался. Речь про неумение контролировать свой негатив и стремление оскорбить собеседника как можно сильнее. Когда человек не может спокойно привести аргументы и выразить свою точку зрения так, чтобы её поняли, он использует мат. Просто от безысходности и психологической слабости.

ТЕХНИКИ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С МАТОМ

С теорией мы разобрались, переходим к практике. Что делать, если вы решили избавиться от некультурной и вредной привычки? Подчеркну, что самое главное – это захотеть само-

му. Перестать материться по принуждению – занятие мало-перспективное.

Итак, есть несколько способов:

Копилка штрафов. Суть проста: за каждое ругательное слово вам нужно кидать в копилку определённую сумму денег. Это может быть монета мелкого достоинства либо купюра. Логично, что чем крупнее штраф, тем выше мотивация. Можно задать себе определённый срок, например, месяц без мата. По окончании этого времени можете вскрыть копилку и отпраздновать победу над сквернословием.

Резинка на запястье. Метод схож с предыдущим. Здесь вы тоже наказываете себя неким штрафом, но уже не финансовым, а физическим. Ваша задача – надеть на руку резинку, которой перевязывают деньги, и при каждом произнесённом матерном слове оттягивать её так, чтобы она больно ударила по запястью. Так обучают животных, вырабатывая у них инстинкт “нельзя, иначе будет больно”. Подобным образом можно быстро приучить себя к правильной речи.

Компенсация. Если употребление матерных слов помогает вам выпустить пар в моменты злости и агрессии, замените свою привычку физическими упражнениями. К примеру, сделайте 10 приседаний, сожмите и разомкните кулаки 25 раз, побейте грушу, пробегитесь вокруг дома, офиса. Придумайте для себя подходящую альтернативу.

Поиск мотивации. Сформулируйте, для чего вам понадобилось избавляться от мата. Возможно, вы хотите выглядеть в глазах окружающих более воспитанным, успешным, найти партнёра для серьёзных отношений, стать примером для своих детей, претендовать на более высокий социальный уровень и пр. Можно выбрать что-то более материальное, например, пообещать себе новую книгу или гаджет. Когда есть чёткая цель, работать над собой значительно проще.

Осознанность в реакциях. Вы взрослый человек и вполне способны взять под контроль своё поведение и ответные реакции на происходящие события. Если в ответ на грубость вы привыкли бросаться оскорбительными словами, возьмите в привычку желать оппоненту хорошего дня. А людей, изливающих гадости в социальной сети, просто жалейте. Ведь обижает всегда тот, кто обижен и несчастен сам. То же самое можно делать со стрессовыми ситуациями: придумайте, как можно по-другому вести себя в подобных случаях. Запаситесь целым арсеналом альтернативных реакций – результат не заставит себя долго ждать. О том, как научиться контролировать свои эмоции, я расскажу в следующий раз.

Пересмотр окружения. Мы с вами уже говорили о том, что люди, с которыми вы общаетесь, оказывают сильное влияние на речь. Старайтесь окружить себя теми, для кого моральные нормы и культура общения – это непустой звук. Постарайтесь

минимизировать контакты с теми, кто много матерится. Можно пойти другим путём и предложить другу вместе избавляться от привычки разговаривать матом. Возможно, вашу инициативу поддержат и вы станете человеком, сумевшим улучшить не только свою жизнь, но и чью-то ещё.

Образ в голове. Вспомните, в чьём присутствии вы никогда не позволяете себе материться. Возможно, это будет человек из вашего прошлого: учитель, родственник или родители. Всякий раз, когда у вас появляется желание выругаться, представляйте этого человека рядом с собой. Многие отмечают, что этот способ отлично помогает себя контролировать.

Расширение словарного запаса. Часто к мату прибегают в случаях, когда не знают более подходящих литературных слов. Читайте книги! Начитанным интеллигентным людям проще подбирать слова для выражения своих эмоций. Можно даже завести блокнот и записывать понравившиеся фразы, чтобы потом применять их в общении.

Ликвидация источников. Если вы часто слушаете песни с ненормативной лексикой, смотрите сериалы, в которых главные герои не стесняются в выражениях, попробуйте хотя бы на время “терапии” избавиться от подобных источников. Возможно, со временем вам просто не захочется к ним возвращаться.

Терпение. Будьте лояльны к себе. Если вы много лет считали мат чем-то обыденным и привычным, то переучить себя за неделю будет непросто. Не корите себя за срывы, будьте готовы к тому, что это длительный процесс и он требует терпения, времени и некоторых усилий с вашей стороны.

Эти способы легки в применении, эффективны и универсальны. К ним можно прибегать самостоятельно, как говорится, в домашних условиях. Они подойдут и девушкам, и мужчинам, и даже подросткам.

ЧЕМ ЗАМЕНИТЬ НЕЦЕНЗУРНЫЕ СЛОВА

Экспрессивные выражения, отправляющие человека в далёкое пешее путешествие, можно заменить другими. Например:

Мне некогда с вами разговаривать! Вы стали чересчур назойливым! Я везде уже посмотрел, но так и не нашёл, где я спрашивал ваше мнение! Извольте выйти!

Дать характеристику неприятному человеку без мата можно так:

Вы очень странная личность! Каналья! Ваша социальная ответственность оставляет желать лучшего!

Высказать свои чувства помогут следующие альтернативы:
Ошеломляюще! Невероятно! Грандиозно! Как интересно получилось! Я в недоумении! Досадно! Какое невезение! Вот так неприятность! Просто катастрофа! Я в крайней степени затруднения! Это возмутительно! Вопиющий случай! Хьюстон, у нас проблемы!

Заменить синоним слова “блин”, которым сопровождают всё подряд, можно коротким “упс”.

Вы можете также придумать свои уникальные ругательства. Вот небольшая подборка коротких, ёмких восклицаний:

*Святые помидоры!
Ёж твою медь! Ну и мох с вами! Раскудрить твою черешню!
Растудись его налево! В рот компот! Ёперный фонтан!*

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПРИВЫЧКИ МАТЕРИТЬСЯ: СОВЕТЫ ПСИХОЛОГОВ

Специалисты в области личностной психологии объясняют потребность материться несколько в ином свете. Они считают, что мат даёт человеку иллюзорное ощущение собственной силы и мужественности. Даже если вопрос касается девушки или женщины, факт остаётся фактом.

Женщина, часто использующая в своей речи нецензурную брань, в прошлом могла иметь психотравму. Это ситуация из детства, когда девочка не чувствовала себя под защитой, покровительством, была вынуждена брать на себя лишнюю ответственность, играть роль кормильца в семье, выполнять мужские обязанности.

Такая женщина боится или стыдится быть мягкой, нежной, она видит преимущества именно в мужских качествах, которые, по её мнению, могут дать ей недостающее чувство защищённости, право иметь что-то лучшее и не испытывать чувства вины.

Ещё одна причина, по которой человек матерится, – это желание быть принятым социумом. Все мы так или иначе хотим, чтобы нас принимали. И чем менее эмоционально развитой личностью мы являемся, тем сильнее нуждаемся в принятии. Сильные духом люди не позволяют другим диктовать, как им себя вести и каким человеком быть. В этом и разница. Именно по этой причине курят и матерятся многие подростки.

Первое, что советуют делать психологи тем, кто хочет навсегда прекратить использовать подобную лексику, – это ответить себе честно на вопрос о преимуществах мата. Подумайте, что конкретно вам даёт употребление мата. Услышав от самого себя ответ, продолжайте наблюдать за собой, осознанно анализируя личные реакции и выбирая другие модели проявления индивидуальности.

Подумайте, какой образ себя вы пытаетесь транслировать в социум, используя нецензурную лексику. Действительно ли этот имидж вы бы хотели для себя поддерживать?

Помните, что у действительно сильных людей нет потребности демонстрировать свою силу с помощью мата. Сила проявляется в других вещах.

Настоятельно рекомендую изучить различные статьи о том, как научиться красиво говорить. Вы почерпнёте для себя много полезного!

Итак, мы с вами выяснили, почему люди ругаются матом и как отучиться от использования ненормативной лексики. Умение говорить красиво и контролировать свою речь делает мужчину более интересным и значимым в глазах окружающих, а женщине придаёт элегантности и воспитанности.

Перевоспитание себя – дело непростое, особенно если привычка прочно укоренилась и стала неотъемлемой частью жизни. Не ждите быстрых результатов, но помните, что всё в ваших руках.

Успехов в переобучении и до скорой встречи в новых публикациях!

Ксения МОЛОКАНОВА

РОССИЯ ТЕРЯЛА УКРАИНУ МУЧИТЕЛЬНО:

ЗА КУПЦЕВАМИ РАСПАДА

Бандеровцы ещё во времена СССР внедрялись в местные партийные органы. Случайность, естественный ход событий или заговор тёмных сил? Историкам ещё предстоит детально разобраться в причинах того, почему Россия и Украина, веками жившие вместе, превратились в два отдельных государства. Но какие ошибки, просчёты или злая воля политиков довели отношения прежде братских республик до нынешнего кризиса? Всё-таки попробуем найти ответы.

«Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Если Москва вернёт себе контроль над Украиной, её ресурсами, населением и выходом к Чёрному морю, то Россия автоматически вновь получит средства, чтобы превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии», – писал покойный Збигнев Бжезинский, один из наиболее откровенных и эффективных врагов нашей страны. Не одно столетие Запад строил планы, как разделить Россию и Украину. Но что русские и украинцы будут стрелять друг в друга – такого они не могли себе представить даже в самых смелых фантазиях.

Как же так получилось, что заветные мечты ненавистников нашей страны осуществились?

Сегодня в политэлите РФ популярен тезис о неких «минах», заложенных большевиками при строительстве СССР. Под «минами» подразумевается право республик на выход из состава Союза, а также то, что советская власть поощряла развитие национальных культур и языков всех народов страны. Однако в Российской империи не было деления на национальные республики, а губернии не имели права на выход. Всюду насаждались православие и русский язык. Но это не предотвратило распада империи: как писал философ Василий Розанов, «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три». Причём произошло это не после Октябрьской, а после Февральской революции.

Большевикам худо-бедно удалось заново собрать распавшуюся страну и скрепить её цементом коммунистической идеологии. Казалось, намертво и навсегда. Но наступил 1991 год. И опять – «в три дня»: ровно столько длился августовский путч, после которого начался «парад суверенитетов» союзных республик.

24 августа 1991 года Верховный Совет Украинской ССР под председательством Леонида Кравчука принял Акт провозглашения независимости Украины. Напомним, что на 20 августа было запланировано подписание нового Союзного договора, которое было сорвано созданием ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению). Ранее, 17 марта того же года, большинство граждан СССР на референдуме проголосовали за сохранение Союза. В УССР «за» было 70% голосовавших.

Даже после провала августовского путча от идеи подписания нового Союзного договора не отказались. О его подготовке объявил 5 сентября V съезд народных депутатов СССР. Помешала Украина. 1 декабря там состоялся референдум о независимости.

Экс-президент Леонид Кравчук позднее утверждал, что именно Украина была страной, которая развалила Советский Союз. Результаты украинского референдума он

предъявил Ельцину в качестве «воли народа», и Ельцин сразу согласился: ну какой же Союз без Украины. Беловежские соглашения были подписаны за день до предполагавшегося подписание нового Союзного договора. То есть Украина – это и есть та самая главная «мина», на которой подорвался СССР?

Нет, инициатором «парада суверенитетов» была всё же сама РСФСР, считает историк Евгений Спицын:

– Она ещё в 1990 году первой приняла Декларацию о государственном суверенитете. РСФСР была стержнем союзного государства, от кого же она должна была стать независимой – от самой себя? Её примеру последовали националисты других республик.

По мнению историка, украинский референдум от 1 декабря 1991 года был незаконным.

– По действующему законодательству СССР, этот референдум мог быть проведён только спустя 6 месяцев после принятия Акта о независимости Украины. То есть не ранее 24 февраля и не позднее 24 мая 1992 года. Но Киев решил проводить его 1 декабря, так как на этот день были запланированы выборы первого президента Украины. И ещё потому, что торопились успеть до подписания нового союзного договора, которое было назначено на 9 декабря. Москва должна была сразу наложить вето на это решение. Но она никак не отреагировала.

Как же объяснить тот факт, что жители Украины, которые ещё недавно проголосовали за сохранение Союза, на референдуме поддержали независимость? Это результат использования манипулятивных технологий, считают аналитики.

– Людям не говорили, что это голосование за выход Украины из состава СССР, – утверждает Спицын. – Им внушали, что они голосуют якобы за то, чтобы УССР в рамках союзного государства получила больше полномочий. Более того, в Беловежской пуще ведь не просто распустили СССР, а создали вместо него новое союзное государство – СНГ. Людям лапшу на уши повесили! Сказали, что всё будет, как прежде, только мы будем называться не СССР, а СНГ. Это была чистой воды манипуляция.

Тогда в стране действовал принятый в 1990 году закон, в котором была чётко прописана процедура выхода союзной республики из состава СССР. Она была достаточно сложной и длительной. Итоги республиканского референдума должен был рассматривать Съезд народных депутатов

СССР. Предусматривался пятилетний переходный период, в течение которого решались все спорные вопросы. Что важно: согласовывался статус территорий, не принадлежавших республике на момент ее вступления в СССР. Вроде Крыма и Западной Украины. Ничего этого сделано не было.

Могла ли независимая Украина стать дружественной России страной, её стратегическим союзником?

Нет, убеждён историк Спицын. Уже в годы горбачёвской перестройки стало понятно, на какой матрице будет строиться независимая Украина.

– Идеолог украинских националистов Дмитро Донцов в своей книге «Национализм» определил две их главные задачи: строительство этнически чистого украинского государства и уничтожение «московской азиатской империи», то есть России. Это до сих пор доктринальные установки всего бандеровского движения. Поэтому столкновение между Россией и бандеровской Украиной было неизбежно.

В начале 90-х к подобным высказываниям Спицына отнеслись бы как к обычной советской пропаганде. А пропаганде тогда уже не верили. В 1987 году Горбачёв освободил политзаключённых. Вместе с диссидентами из лагерей вышли и бывшие члены ОУН-УПА (запрещённые в РФ террористические организации). Они казались безобидными стариками. Жертвами режима.

– Как в конце XX века, на советской Украине могла вдруг стать популярной бандеровская идеология? Ведь не бандеровцы рушили СССР, а правоверный коммунист Кравчук?

– Да не был он никогда коммунистом, хоть и носил партийный билет! Это был скрытый украинский националист, из тех, кого активно рекрутировал в состав ЦК Компартии Украины Пётр Ефимович Шелест (*Первый секретарь ЦК КП Украины в 1963–1972 гг.*). Перед тем, как стать в 1990-м году председателем Верховного Совета УССР, Кравчук занимал пост 2-го секретаря ЦК КПУ по идеологии. При этом на выборах главы Верховного Совета он опирался не столько на коммунистов, сколько на депутатов-националистов от движения РУХ.

– Шелест тоже был скрытый украинский националист?

– Да. С момента возникновения УССР там боролись два течения. С одной стороны, были настоящие коммунисты-интернационалисты, которые не мыслили себе развития Украины вне рамок союзного государства. С другой – так называемые «боротьбисты», то есть бывшие члены партии эсеров, которые влились в состав РКП(б). Они ещё в 1920-е годы пытались проводить насильственную украинизацию под лозунгами «Геть от всего русского, геть от всего советского, геть от Москвы!»

В начале 30-х годов Сталин это остановил. Известно его письмо Кагановичу по этому поводу. Но при Хрущёве, когда к власти на Украине пришёл Шелест, началась вторая волна этой украинизации. Её в начале 70-х прекратил Брежнев, поменяв Шелеста на Щербичского.

При Горбачёве началась третья украинизация, которая в итоге вылилась в бандеровщину. Тогда и возник Рух, полное название которого было «Народное движение Украины за перестройку» и к созданию которого приложил руку идеолог перестройки Александр Яковлев. Мы сами, собственными руками создали бандеровскую Украину, а теперь себе голову пеплом посыпаем.

– Какую роль в этом процессе сыграла хрущёвская амнистия для бандеровцев в 1955 году?

– Большую. На Украину хлынул огромный поток бывших

оуновцев и членов УПА (запрещённые в РФ террористические организации), как из тюрем и лагерей, так и из-за границы. Только из Европы их вернулось порядка 120 тысяч. Им была предоставлена возможность влиться в советское общество.

Но по этому поводу Василь Кук, последний лидер УПА, прямо говорил, что украинским националистам пора изменить тактику: надо притвориться добропорядочными советскими гражданами и внедряться во власть, занимать руководящие посты в партийном и советском аппарате, в органах культуры, просвещения, воспитывать молодёжь в национальном духе. Уже в начале 90-х все матрицы были заложены. А когда я предупреждал об этом наших политиков высокого ранга, мне говорили: «не сгущай краски».

Существуют интересные статистические данные: в начале 80-х годов прошлого века в партийных органах Львовской области (обкоме и райкомах) доля реабилитированных Хрущёвым украинцев превышала 30%. По другим западным областям этот показатель достигал 50%. Вот и ответ тем, кто до сих пор не понимает, как последователи Бандеры, которые в конце 80-х казались лишь жалкой кучкой городских сумасшедших, сумели подмять под себя всю Украину.

– Сложился странный альянс между партийной номенклатурой и диссидентами-националистами, которые группировались вокруг «Руха», – говорит первый заместитель председателя Комитета Госдумы по делам СНГ Константин Затулин. – Прежде «руховцы» мечтали лишь о федерализации Украины, что позволило бы им прийти к власти хотя бы в Галиции. Но в 1991 году они пришли на помощь партийной номенклатуре, которая не имела никакой собственной идеи строительства независимого государства. А та присвоила предложенную националистами модель, взамен поделившись с ними властью.

Уже в 1992 году обозначились проблемные вопросы российско-украинских отношений. Помимо раздела Черноморского флота, это был вопрос о статусе Севастополя и Крыма и статусе русского языка.

– Я начал активно заниматься Украиной с момента своего избрания депутатом I Государственной Думы, – вспоминает Затулин. – Осенью 1992 года я принимал участие в поездке на Украину членов Совета по внешней и оборонной политике. Мы встречались с пророссийски настроенными депутатами Верховной Рады, лидером которых тогда был вице-спикер Владимир Гринёв.

Я прекрасно помню, как Гринёв и его советник Малинкович говорили, что мы в РФ должны поддержать пророссийское крыло в Раде, потому что им очень тяжело: их всё время атакуют националисты. Я их спросил, что они предлагают по вопросам, которые интересуют РФ: по Черноморскому флоту, по русскому языку, по статусу Севастополя и Крыма?

И тут же наши друзья, которые считались самыми пророссийскими в Верховной Раде, замахали руками и закричали: да вы что, мы даже заикаться о подобном не смеем! Нас заключают!

Вот эта история продолжается до сегодняшнего дня. Многие так называемые «пророссийские» деятели Украины – от давно канувшего в политическое небытие Гринёва до Медведчука, который уходит туда же на наших глазах, – так и не смогли ответить, чем их принципиальная позиция кардинально отличается от той позиции, которую занимала политэлита Украины в целом.

(Продолжение следует)

ЗАСЕКРЕЧЕННАЯ ВОЙНА

Великий русский писатель Виктор Астафьев как-то очень метко сказал:
«Кто замалчивает правду о войне минувшей,
тот готовится войну будущую».

А.Н. Толстой:
«Чтобы понять тайну русского народа,
его величие,
нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое:
нашу историю, коренные узлы её,
трагические и творческие эпохи,
в которых завязывался
русский характер».

Мои архивы буквально лопаются от информации, которую продолжают скрывать от независимых исследователей. Чиновники до сих пор не желают, чтобы мы узнали правду, какой бы нелицеприятной она ни была. И это порождает домыслы и слухи.

Война, как и политика, – дело грязное и неоднозначное. Безусловно, отдавая дань уважения простым героям, победившим фашизм в годы Великой Отечественной, надо знать, что было в истории страны немало ошибок, разгильдяйства и предательства, особенно со стороны власти предержавших.

И об этом надо помнить, прежде чем слепо принимать на веру гладкие выводы советской пропаганды... Сегодня мы начинаем публиковать материалы из далёких сороковых, чтобы знать, как было на самом деле... Думайте, прежде чем делать скоропалительные выводы.

Геннадий Майоров

Совершенно секретно

Ст. майору Государственной безопасности тов. Матвееву

(он же – первый секретарь Орловского обкома ВКП(б). - Ред.)

СПРАВКА

Довожу до Вашего сведения, что, несмотря на ряд положительных моментов в деле организации партизанского движения, в работе штаба партизанского движения на Брянском фронте наличествуют серьёзные недочёты, которые могут отразиться в плохую сторону в деле успешного проведения боевых операций партизанских отрядов и рота партизанского движения в тылу противника.

Основными недочётами в работе штаба являются:

1. Недостаточная подготовка кадров и слабое их использование.

При штабе партизанского движения имеется спецшкола (учебный пункт), которая готовит инструкторов-подрывников и радистов для переброски в тыл противника. Ввиду плохой подготовки большинство людей, обученных в спецшколе в декабре месяце 1942 года по разным специальностям для работы в тылу противника, распущены по домам.

Спецшкола не имеет никаких наглядных пособий. Курсанты-радисты по своей специальности не имеют минимума литературы и учебной радиоаппаратуры.

Подготовка курсантов всех специальностей осуществляется по программам, которые составлены преподавателями школы. Эти программы не рассматриваются и не утверждены.

Технические кадры, выпускаемые школой, получают крайне низкую квалификацию, ввиду отсутствия квалифицированного преподавательского состава. Курсанты главным образом приобретают теоретические познания и не получают практических навыков.

Политико-воспитательная работа в спецшколе поставлена очень плохо. Беседы, доклады на политические темы, партийные и комсомольские собрания не проводятся. В результате имеется много случаев отказа курсантов учиться в школе, невыполнение приказов и отрицательные настроения.

Курсантки УТЕНИНА, ЛИТОВА, КУСКОВА, МАКАРОВА подавали заявления об отчислении из школы. О своём нежелании учиться в школе заявляют и другие курсанты.

Курсантка РЫЖЕВА Анастасия Алексеевна, член ВЛКСМ, в присутствии курсантов заявила: «Мне не хочется учиться в школе. Я не буду и не желаю быть радисткой, мне хочется скорее отсюда уволиться, здесь как тюрьма».

Курсантка УТЕНИНА заявила: «Здесь ничему не научат, и я приложу все усилия, чтобы избавиться из этого бардака».

Курсантка НИКУЛИЧЕВА, член ВЛКСМ, заявляет: «Очень хорошо, что меня из этого притона отправляют до-

мой, так как всё равно здесь я ничему не научилась, а больше избаловалась».

Курсант ПИРКИН Михаил Цатькович, член ВЛКСМ, будучи за недисциплинированность посажен на гауптвахту, в присутствии курсантов заявил: «Больше учиться не буду, всё равно убегу. Воевать не буду, пусть за меня воюет начальник школы».

Среди курсантов ежедневно совершаются самовольные отлучки. Контроль и руководство учебными кадрами со стороны отдела кадров штаба партизанского движения очень слабое.

2. На радиоузле штаба партизанского движения есть ряд ненормальных заявлений, которые тормозят работу его в деле хорошей организации связи с партизанами:

А) Есть случаи потери связи с радиокорреспондентами. Недостаточно подготовленные радисты, переброшенные в тыл противника, долго не могут связаться с радио узлом штаба партизанского движения.

Б) Ненормальная работа связи объясняется низкой квалификацией радистов, которые не имеют практических навыков в работе, а также крайне низкой дисциплиной радистов. Радисты радиоузла во время сеанса снимают наушники и ведут посторонние разговоры, теряя таким образом связь со своими корреспондентами, после чего не могут восстановить с ними связь (радистки УДОДОВА, ВОРОНОВА и другие).

В) На зарядной базе радиоузла неверно заряжаются аккумуляторы, даётся им повышенная сила тока, от такой перегрузки аккумуляторы быстро теряют своё питание и могут раньше срока выйти из строя.

Г) Ввиду плохого контроля и руководства со стороны технического состава радиоузла есть случаи аварий радиостанций.

1. В конце декабря 1942 года начальник радиостанции «Джек» – сержант ДМИТРЕНКО, дав повышенную силу тока станции, вывел из строя её и она не работала в течение 7 часов, связь с радиокорреспондентом была прервана.

2. Радиостанция «Волга» с ноября месяца 1942 года до первой половины января 1943 года совершенно не работала, что затрудняло иметь хорошую связь с корреспондентами в тылу противника.

3. Частые случаи аварий происходят на радиостанции «Раф».

В деле хорошей организации радиосвязи на радиоузле существует слабое руководство и контроль со стороны

начальника 3 отделения штаба партизанского движения майора госбезопасности ЗУЕВА.

Начальник радиоузла штаба партизанского движения подполковник т. ПЕНЯГИН и его заместитель по политчасти п-к КАРТМАЗОВ беспечно относятся к своим служебным обязанностям, а больше всего заботятся о своих личных вопросах.

Политико-воспитательной работой среди личного состава радиоузла старший политрук КАРТМАЗОВ совершенно не занимается, плана партийно-политической работы не имеет, лекций на политические темы, партийных и комсомольских собраний на радиоузле не проводит, на нужды и запросы курсантов реагирует плохо. В результате среди личного состава радиоузла имеются нарушения воинской дисциплины и проявления антисоветских настроений.

Старший радист радиостанции «РСБ» на радиоузле старший сержант ТОРОПЧИН в конце декабря заявил: «Эта война будет длиться до тех пор пока не останется ни одного русского в живых. Наши войска могут наступать только зимой, а летом опять будем крепко отступать».

Телефонный мастер радиоузла старший сержант КОМУНОВ заявляет: «Дисциплина в немецкой армии во много раз лучше, чем у нас на радиоузле. Наши говорят, что когда к немцам попадёшь в плен, то они крепко издеваются. Я этому не верю. Если я попаду в плен к немцам, то я у них не пропаду, я к ним имею хороший подход».

Завскладом радиоузла сержант НЕКРАСОВ среди радистов заявляет: «Мне надоело служить в этой шарашкиной конторе, здесь много жульничества, расхищения государственного имущества со стороны радистов и самого начальства радиоузла». По отношению к войне говорит: «Конец войны ещё не видно, насчёт открытия второго фронта говорят с самого начала войны, а его нет, так же можно сказать и об окончании войны, наши это делают только для отвода глаз».

Бывший начальник зарядной базы радиоузла техник-интендант 2 ранга... заявляет: «Нам скоро войну не кончить. Приказ Сталина о разгроме немцев в 1942 году остался на словах, а на деле ничего нет». (В тексте написано «приказ Ста... о разгроме»; видимо, сами чекисты испугались назвать громкое имя.)

Среди личного состава радиоузла существуют случаи невыполнения приказаний, нарушения караульной службы. К нарушителям командование радиоузла мер никаких не принимает.

Фактами разбазаривания государственного имущества является неправильное расходование бензина.

Зам.начальника радиоузла по политчасти КАРТМАЗОВ, чтобы скрыть неправильное расходование бензина на радиоузле, в своих отчётах за ноябрь и декабрь 1942 года о расходовании бензина пишет совершенно ложные цифры. Таким образом, КАРТМАЗОВ вместо того, чтобы вести беспощадную борьбу с расхитителями государственного имущества на радиоузле, занимается фактами расхищения.

4. Многие действующие партизанские отряды на важнейших военных и промышленных объектах имеют широкую агентурную сеть.

Ввиду слабого контроля и руководства агентурой и войсковой разведкой в партизанских отрядах разведотде-

лом штаба партизанского движения (начальник разведотдела подполковник ЗЮРЯЕВ) не всем партизанским отрядам даются конкретные задания по войсковой и агентурной разведке, зачастую полученные разведанные о противнике носят характер отрывочных сведений и как правило запаздывают. Поступив в штаб, наполовину уже теряют свою оперативную ценность и не дают возможности делать определённых выводов о противнике.

Частично отсутствуют квалифицированные кадры организаторов агентурной разведки как в самом штабе партизанского движения, так и в партизанских отрядах.

5. Сохранение военной и государственной тайны, хранение совершенно секретных и секретных документов в штабе партизанского движения поставлено очень плохо.

А) Почти во всех отделениях штаба секретные и сов.секретные документы хранятся в деревянных ящиках, тумбочках, не опечатываются и некоторые не закрываются. В отделе кадров штаба ордена и медали СССР хранятся также в деревянном ящике, до февраля месяца 1943 года не охранялись и не опечатывались.

Б) Многие работники штаба после окончания работы свои рабочие кабинеты не закрывают и оставляют на столах документы.

Как, например, в конце декабря 1942 года старшим помощником начальника оперативного отделения штаба подполковником ПОТАПЕНКО и помощником начальника оперативного отдела капитаном ХОРОШАВИНЫМ после окончания работы в кабинете на столе были оставлены совершенно секретные документы:

- приказ товарища СТАЛИНА № 00189,
- оперативный план о боевой деятельности партизанских отрядов,
- карта о дислокации партизанских отрядов,
- докладная записка о боевой деятельности партизанских отрядов в Курской области.

Подобные факты хранения документов наблюдаются и со стороны начальника отдела кадров штаба майора ШУРУХИНА, начальника общесекретного отделения интенданта 3 ранга ФРОЛОВА, машинистки ФИЛИППОВОЙ и других.

В) Общесекретный отдел штаба (начальник – интендант 3 ранга ФРОЛОВ) хранение секретной документации в отделениях штаба контролирует плохо, полученные документы своевременно не регистрируются и об исполнении не проверяются. Срочное исполнение некоторых документов задерживается иногда месяцами.

Так, например, отдел кадров штаба на запросы Центрального штаба партизанского движения полученные для выполнения в ноябре месяце 1942 года о подтверждении пребывания в партизанских отрядах ПРОКОФЬЕВА Г.А., САЗАНОВИЧА Н.Т. и младшего лейтенанта ШАТОХИНА М.П. и назначения их семьям пособия, отдел кадров дал ответ Центральному штабу партизанского движения толь-

1942 год. Партизанский банкет

ко в середине января месяца 1943 года.

При таком плохом хранении документации в штабе партизанского движения могут произойти случаи утери и хищения их.

20 января 1943 года откомандированный из штаба майор СТАВИЦКИЙ похитил из штаба совершенно секретные документы:

*Разведывательный бюллетень № 47.

*Книгу «Немецко-фашистская армия во втором году войны с Советским Союзом».

*План проверки партизанской бригады «За власть Советов».

И последним эти документы были утеряны.

В начале января месяца 1943 года радистка радиоузла ВАЛЬТЕР утерела 5 радиограмм.

Г) Среди работников штаба происходит открытый разговор по телефону:

1. При разговоре с аэродромом в Троекурово сообщаются даже координаты для самолётов, которые вылетают в тыл противника.

2. По телефону передаются радиограммы из штаба на радиоузел и обратно.

Д) Караульная служба в штабе, в спецшколе, радиоузле поставлена плохо.

1. Охрана радиостанций не проводится.
2. В штаб проходят совершенно посторонние люди, не имеющие никакого отношения к штабу.

3. Склады вооружения, продовольствия и вещевые не опечатываются и часть их не охраняется.

6. В штабе партизанского движения есть случаи, когда некоторых работников штаба посылают на спецзадание в тыл противника, а также допускают к секретной работе и переписке без согласованности с особым отделом НКВД:

А) Старший помощник начальника отдела связи штаба майор РУДОВ направляется в оперативную группу для руководства боевой деятельностью партизанских бригад северных районов Орловской области. При наличии в ОО НКВД Брянского фронта на РУДОВА компрометирующего материала, по мнению ОО НКВД Брянского фронта, он на спецзадание направлен быть не может.

Б) Зав.делопроизводством отдела кадров штаба ГРИДНЕВА Ольга, ЛУЧИНСКИЙ, казначей финотдела штаба ЕВСЕЕВ, писарь штаба МТО ЧУДНЫЙ, писарь АХЧ КАРАКА и другие к секретной переписке не допущены и до сего дня отделом кадров штаба не оформляются.

Прошу Ваших мероприятий по указанным мною фактам о недочётах в работе штаба партизанского движения на Брянском фронте.

Опер.уполномоченный 1 отд-я
ОО НКВД Брянского фронта
мл. лейтенант госуларст. безопасности /ТУПИЦЫН/
5 февраля 1943 года
Стилистика и орфография сохранены